

КЪ ВОПРОСУ О СОЕДИНЕНИИ ЦЕРКВЕЙ

По поводу доклада проф. Н. О. Лосского

ПРАГА 1940

Издание

„APOŠTOLÁTA SV. CYRILLA A METODĚJE“

OLMOUC, GÖRINGOVO NÁMĚSTÍ 16

Печатанѣм

ČESKÁ GRAFICKÁ UNIE A. S. PRAHA

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Тема христiанскаго возсоединенiя не престаеъ вызыватьъ къ себѣ интересъ въ русскомъ обществѣ. Объ этомъ свидѣтельству-
ють какъ дѣятельное участiе русскихъ богослововъ на экуме-
ническихъ сѣздахъ, такъ и рядъ статей, написанныхъ на эку-
меническую тему въ русской зарубежной печати. И не только
среди богослововъ, но и среди другихъ интеллигентныхъ группъ
русскаго общества находятся лица, которыя поднимають во-
просъ о соединенiи, о исполненiи завѣтовъ Христовыхъ. Еще
въ началѣ 1940 года извѣстный философъ Н. О. Лосскiй чи-
талъ на одномъ изъ собранiй Философскаго Общества въ Прагѣ
докладъ »Особенности православiя въ новомъ католическомъ
освѣщенiи« и въ немъ съ полнымъ сочувствiемъ высказался за
соединенiе православной церкви съ католической. По поводу
доклада проф. Н. О. Лосскаго написали сообщенiя два изъ
присутствовавшихъ на докладѣ лицъ — авторы настоящей бро-
шюры, — независимо другъ отъ друга, и пожелали выступить
въ томъ же обществѣ. Но по независящимъ отъ авторовъ причи-
намъ ихъ доклады не состоялись, и они рѣшили прибѣгнуть къ пе-
чатному слову. Первый изъ авторовъ, ввиду широты затронутой
темы, ограничивается освѣщенiемъ внутренняго состоянiя Пра-
вославiя, и указываетъ, что прiобрѣтетъ православный Востокъ
отъ единенiя съ католическою Церковью. Второй рассматри-
ваетъ частные вопросы, по которымъ существуютъ разногласiя
между католиками и православными, и указываетъ на возмож-
ность устраненiя этихъ разногласiй, ссылаясь на Отцовъ Цер-
кви первыхъ восьми вѣковъ. Выпуская въ свѣтъ эту брошюру,
авторы имѣють цѣлью послужить дѣлу Христову, дѣлу свя-
таго Единенiя.

Прага, июнь, 1940.

ЧТО ПРИОБРѢТЕТЬ ГРЕКО-ВОСТОЧНАЯ ЦЕРКОВЬ ВЪ ЕДИНЕНИИ СЪ КАТОЛИЧЕСКОЮ ЦЕРКОВЬЮ.

Въ прошломъ году въ Германіи былъ изданъ католиками сборникъ статей о Христіанскомъ Востока, — »Der Christliche Osten, Geist und Gestalt«. Объ этомъ сборникѣ сдѣлалъ въ свое время докладъ проф. Н. О. Лосскій. Докладчикъ коснулся, между прочимъ, вопроса, что получать, чѣмъ взаимно обогатятся католическая и православная церковь, если онѣ соединятся. Про восточную церковь онъ сказалъ, что она приобрѣла бы: 1) болѣе высокій правовой порядокъ, 2) независимость отъ свѣтскихъ властей и 3) культурный подъемъ. По существу соглашаясь съ этими положеніями, я все же считаю, что дѣло здѣсь не только и не столько въ этихъ внѣшнихъ организаціонно-культурныхъ сторонахъ и приобретеніяхъ, сколько въ приобретеніяхъ внутреннихъ, духовнаго характера. Другими словами, главное вниманіе наше должно быть обращено не столько на внѣшне-цивилизационныя явленія въ жизни Церкви, а прежде и больше всего на духовныя, внутренне-органическія реальности, которыя кроются за внѣшними явленіями, въ извѣстной мѣрѣ ихъ порождаютъ и въ нихъ проявляются. Именно съ такой точки зрѣнія я желалъ бы подойти къ вопросу и развить предъ вами мысли Н. О. Лосскаго, пояснить ихъ фактами изъ церковной жизни и дополнить нѣкоторыми другими указаніями.

По моему мнѣнію, въ короткихъ словахъ глубокоуважаемаго Николая Онуфріевича было много сказано о положеніи православной Церкви, еще болѣе въ видѣ намека, чѣмъ прямого смысла словъ, и многіе будутъ навѣрное удивлены, когда я по своему и на другомъ языкѣ, — если хотите, языкѣ богословскомъ, — истолкую содержаніе и значеніе этихъ словъ. Но я надѣюсь,

что послѣ перваго удивленія и, можетъ быть, нѣкотораго не-пріятнаго чувства, вы, понявъ мои мысли, все же согласитесь, что мои взгляды и выводы не лишены основанія. Я буду говорить только о томъ, что получить восточная Церковь. По довольно простой причинѣ: если мы обладаемъ какой-либо цѣнностью, какимъ-либо благомъ, то мы особенно живо сознаемъ значеніе этой цѣнности (напримѣръ, свободы), когда сравниваемъ свое положеніе съ положеніемъ другихъ людей, или обществъ, которые такой цѣнностью не обладаютъ. И понятно, что намъ о ней легко говорить, объяснять ея пользу. Хотя я и не въ совершенствѣ знаю жизнь католической Церкви, все же какъ католикъ, нѣсколько лѣтъ прожившій въ Римѣ, я довольно хорошо ознакомился съ дѣятельностью и строимъ Вселенской Церкви. Съ другой стороны, я уже семь лѣтъ занимаюсь изученіемъ восточныхъ церквей, особенно русской, изученіемъ ея доктрины, исторіи, жизни ея подвижниковъ и пр. Такъ какъ это ознакомленіе было не только дѣломъ ума, но и христіанской любви, то думаю, что выгоды, къ которымъ привели меня изученіе и размышленіе, могутъ представить и для васъ нѣкоторый интересъ.

Что касается перваго положенія Н. О. Лосскаго о томъ, что получить католическая Церковь отъ единенія съ русской, православной, то я предпочиталъ бы, чтобы кто-либо изъ православныхъ, продумавъ этотъ вопросъ, изложилъ свои выводы письменно или устно, въ публичномъ докладѣ. Мы, католики, къ такой работѣ, будьте увѣрены, отнесемъ съ полнымъ вниманіемъ.

Еще одно предварительное замѣчаніе: я не буду касаться третьяго пункта заключеній Н. О. Лосскаго о культурномъ подъемѣ православной церкви. Лично я думаю, что не нужно столь высоко ставить культуру и цивилизацію самихъ по себѣ. Если религіозно-нравственная жизнь обезпечена, — но не только у какихъ-либо отшельниковъ Афона, но также среди интеллигенціи Парижа, Москвы и др. центровъ, то Церкви не нужно очень бояться упрековъ въ томъ, что она мало двигаетъ впередъ цивилизацію, что ея служители свѣтски мало просвѣ-

щенные люди. Церковь не имѣетъ прямой цѣлью заботиться о культурѣ. Она постолько обращаетъ свое вниманіе на образованность своихъ служителей, поскольку это является необходимымъ для утвержденія и распространенія христіанской вѣры среди людей данной эпохи, для опроверженія ложныхъ научно-философскихъ ученій, нападокъ на Христа и Церковь. Кроме того, есть еще одно соображеніе, почему я, какъ католическій священникъ, не хотѣлъ бы говорить вамъ на тему о культурности служителей Церкви. Это соображеніе вы поймете безъ моихъ поясненій, а теперь пора перейти къ самой темѣ доклада.

Что получить восточно-православная Церковь отъ единенія съ католической? — Она получить прежде всего то единство, которое завѣщалъ Христосъ своей Церкви. Каково это единство? Христосъ сравнивалъ свою Церковь съ домомъ, съ рыбной сѣтью, съ горчичнымъ зерномъ, изъ котораго вырастаетъ дерево, своихъ учениковъ, — съ вѣтвями на виноградной лозѣ, и тѣмъ далъ намъ понять, что единство Его Церкви должно быть единствомъ живого организма, одного коллективно-собирательнаго человѣческаго тѣла, въ которомъ отдѣльные члены, одушевленные и питаемые тѣмъ же жизненнымъ началомъ, находятся въ дружномъ общеніи другъ съ другомъ. Другими словами, Церкви необходимо внутреннее и внѣшнее видимое единство, — единство вѣры и таинствъ (внутреннее жизненное начало, какъ сокъ въ деревѣ), и единство социальное — взаимнаго живого общенія между разными членами, между разными частями Церкви. Имѣютъ-ли восточныя Церкви такое единство? Единство таинствъ безъ сомнѣнія имѣютъ. Но что касается единства вѣры и внѣшняго (социальнаго) общенія, приходится сказать: нѣтъ, не имѣютъ, и по очень серьезнымъ причинамъ.

Возьмемъ въ началѣ вопросы вѣры. Въ первой половинѣ прошлаго вѣка были въ Англіи два большихъ церковныхъ теченія: такъ называемое Оксфордское движеніе въ направленіи къ Риму, второе — въ направленіи къ православію. Возглави-

телемъ перваго былъ знаменитый богословъ, сынъ англиканскаго архіепископа Ньюмэнъ, во главѣ второго стоялъ тоже крупный богословъ — мірянинъ В. Пальмеръ. Когда у этой второй группы надежды на присоединеніе всѣхъ англиканъ къ православію стали явно неосуществимыми, то Пальмеръ и его послѣдователи готовы были одни воссоединиться съ восточной Церковью. Изъ-за разныхъ формальностей дѣло затягивалось, и многіе друзья Пальмера оставили свои намѣренія. Но самъ Пальмеръ терпѣливо ждалъ вмѣстѣ съ ближайшими друзьями рѣшенія, находясь въ постоянной перепискѣ съ Хомяковымъ, укрѣплявшимъ его въ намѣреніи принять православіе. Передъ своимъ присоединеніемъ они пожелали узнать, признаетъ-ли православная Церковь полученное ими крещеніе, или они должны принять крещеніе вновь. Русская Церковь отвѣтила имъ благопріятно, что признаетъ ихъ христіанами и въ возобновленіи крещенія нѣтъ надобности; греческая Цареградская Церковь, къ великому огорченію Хомякова и прочихъ русскихъ друзей Пальмера, отвѣтила отрицательно — англикане — не христіане, крещеніе надо совершить вновь. Такое разногласіе въ основномъ догматическомъ вопросѣ, два противоположныхъ мнѣнія въ одной и той же Церкви, произвело на Пальмера глубокое впечатлѣніе. Онъ недоумѣвалъ, какъ въ единой Церкви, какою считаетъ себя восточная, одно говорятъ въ Москвѣ, другое въ Константинополѣ. Онъ былъ человѣкъ послѣдовательный и искренній — качества, за которые его такъ цѣнилъ Хомяковъ, — и изъ познанной дѣйствительности сдѣлалъ заключеніе. . . Я не буду говорить о дальнѣйшей судьбѣ Пальмера, хотя она достаточно поучительна. Скажу только, что и теперь разногласія о дѣйствительности крещенія православныхъ между Москвою и Константинополемъ не устранены. Правда, греки нѣсколько смягчили свою требовательность, примѣнивъ въ данномъ случаѣ ученіе объ «икономіи», т. е. домостроительствѣ: хотя крещеніе англиканъ само по себѣ недѣйствительно, все же по «икономіи», или какъ бы по благословенію православной церкви, оно получаетъ силу.

Перейду къ другому вопросу — о спискѣ книгъ Св. Писанія.

Для всѣхъ христіанъ крайне важно знать, гдѣ находится Божіе откровеніе, которое мы получили черезъ пророковъ и Христа. По католическому и православному ученію Божіе откровеніе, то-есть Божію истину и Божію волю мы познаемъ изъ Священнаго Писанія и св. Преданія. Въ нихъ заключено Божіе слово. Поэтому для Церкви существенное значеніе имѣетъ канонъ книгъ Св. Писанія, то-есть списокъ книгъ боговдохновенныхъ. Въ опредѣленіи канона книгъ Новаго Завѣта католическая и православная Церкви согласны. Но что касается канона книгъ ветхозавѣтныхъ, то здѣсь опять возникло разногласіе: Русская Церковь послѣ Феофана Прокоповича, а за нею сербская, болгарская и Румынская, учатъ, что книги Товита, Юдифи, Премудрости Соломоновой и еще четыре «второканоническихъ» книги не являются боговдохновенными; въ греческой же церкви преобладаетъ древнее ученіе, что и эти книги боговдохновенны. Другими словами, по ученію одной восточной церкви выходитъ, что семь упомянутыхъ книгъ — слово Божіе; по ученію другой — что это только слова благочестивыхъ евреевъ, которыя нисколько не обязуютъ насъ къ вѣрѣ (Gordilo. *Compendium Theologiae orientalis*, Roma, 1937, p. 32—35; M. Jugie. *Histoire du canon de l'Ancien Testament dans l'Église grecque et l'Église russe*, Paris 1909). Въ восточной Церкви существуетъ два знаменитыхъ Исповѣданія православной вѣры — митрополита Петра Могилы и іерусалимскаго патріарха Досифея. Эти Исповѣданія считаются многими восточными богословами безошибочными документами православной вѣры. Но изъ внимательнаго сравненія этихъ двухъ Исповѣданій явствуетъ, что первое изъ нихъ не признаетъ временнаго наказанія послѣ смерти, не допускаетъ какой-то средней категоріи умершихъ между блаженными въ небѣ и осужденными въ адъ. При этомъ нелогично признаетъ молитвы за умершихъ, которыя могутъ быть возносимы только за среднюю категорію, такъ какъ тѣ, кто находится на небѣ, не нуждаются въ нашихъ молитвахъ, а тѣ, кто осужденъ въ адъ, имѣютъ навѣки закрытый путь на небо. Но не на это внутреннее противорѣчіе обращаю ваше вниманіе, а на противорѣчіе съ исповѣданіемъ Досифея. Это

послѣднее ясно учить, что послѣ смерти имѣеть мѣсто и временная кара за грѣхи, совершенные при жизни, для тѣхъ душъ, которыя сокрушались о своихъ проступкахъ передъ смертью, но не успѣли удовлетворить за нихъ Божіе правосудіе. Иначе сказать, по одному Исповѣданію чистилище существуетъ, по другому — это католическая выдумка.*) Тѣхъ, кто пожелалъ бы такое сравненіе произвести, предупреждаю, что они должны обратиться къ греческому подлиннику, а не къ русскому переводу 1839 г., въ которомъ Св. Синодъ сдѣлалъ собственнымъ авторитетомъ нѣсколько важныхъ поправокъ, не предупредивъ о томъ другія восточныя церкви (ср. *Dictionnaire Apologétique de la foi catholique - Église Grecque*, vol. II, col. 386).

Въ апрѣлѣ 1937 г. въ Эдинбургѣ происходилъ всемірный экуменическій Съѣздъ, имѣвшій цѣлью сблизить разныя протестантскія церкви съ православнымъ востокомъ и даже изучить и подготовить почву для догматическаго единенія. Много говорили о томъ, какъ понимаютъ церковь протестанты, англикане, православные. Послѣдніе выступали, какъ единая группа, какъ представители единой православной Церкви. Но въ концѣ самаго Съѣзда, на общемъ публичномъ собраніи, вдругъ оказалось, что у православныхъ делегатовъ нѣтъ собственно единаго ученія о Церкви, а наоборотъ, есть два разныхъ теченія, глубоко различающихся другъ отъ друга: по мнѣнію однихъ делегатовъ, выходило, что Церковь Христова — это только Восточно-православная Церковь, ибо только она имѣеть ту природу, тотъ строй, который далъ Христосъ своей Церкви; другіе утверждали, что Церковь Христову составляютъ какъ православные, такъ и католики, и протестанты, что всѣ эти

*) Стоитъ отмѣтить дальнѣйшую судьбу ученія о чистилищѣ у этихъ двухъ авторовъ: Петръ Могила въ Требникѣ и въ Исповѣданіи призналъ ученіе о чистилищѣ, но на соборѣ въ Яссахъ въ Исповѣданіе внесена поправка по требованію грека Мелетія Сириги. Хотя Петръ Могила этой поправки не принялъ, все же въ его Исповѣданіи чистилище отвергается. Патріархъ Досифей къ концу жизни перемѣнилъ мнѣніе и въ другомъ своемъ сочиненіи отвергъ ученіе о чистилищѣ, которое содержится въ его Исповѣданіи. Факты, наводящіе на размышленія.

отдѣльныя церковныя общества — только части, хотя нынѣ и раздѣленныя, одной и той же Церкви Христовой. Такое крупное разногласіе по центральному вопросу вѣры привлекло къ себѣ всеобщее вниманіе и удивленіе, тѣмъ болѣе, что оно, по словамъ Зернава, дошло до открытаго столкновенія, ибо и та и другая сторона утверждали, что именно она выражаетъ подлинный голосъ православной Церкви (см. подробнѣе статью Зернава въ журналѣ »Путь«, 1938 г., № 55, стр. 73—74).

Затронемъ, — совершенно кратко — вопросъ о канонизаціи, т. е. причисленіи къ лику святыхъ. Что является для Церкви необходимымъ условіемъ и достаточнымъ критеріемъ, вѣрнымъ доказательствомъ, что тотъ или иной умершій былъ святымъ и за такого можно его почитать всей Церковью? По ученію Русской Церкви, по крайней мѣрѣ, по тѣмъ разъясненіемъ, которыя далъ Петербургскій митрополитъ Антоній въ 1903 г., отвѣчая раскольникамъ, обвинявшимъ «никоніанскую» церковь за причисленіе къ лику святыхъ Серафима Саровскаго, мощи котораго подверглись тлѣнію, достаточнымъ основаніемъ для канонизаціи святого служатъ чудеса, совершенныя останками умершаго, или же по его заступничеству. Нетлѣнность же мощей не является необходимымъ условіемъ. Греки, наоборотъ, смотря на нетлѣнность и благоуханіе мощей, какъ на необходимое условіе для причисленія къ лику святыхъ (Подробнѣе объ этомъ въ *Dictionnaire de la théologie catholique*, II, col. 1665—66).

Но не только въ двухъ разныхъ національныхъ восточныхъ церквяхъ существуетъ такое расхожденіе въ вопросахъ вѣры, въ догматѣ, но и въ одной и той же церкви. Примѣромъ тому можетъ послужить извѣстное ученіе о. протоіерея Сергія Булгакова о Софіи — Премудрости Божіей. Въ Москвѣ и въ Карловцахъ осудили это ученіе, какъ ересь, т. е. какъ противное Богу, Божіему откровенію, заблужденіе, за которое его послѣдователи подвергнутся вѣчному наказанію, а въ Парижѣ*) рѣшили, что въ этомъ ученіи нѣтъ ничего еретическаго. И тутъ,

*) Церковный Вѣстникъ № 8—9, Парижъ 1936.

и тамъ говорятъ отъ имени православной Церкви, единой соборной церкви, но получаютъ два противорѣчащихъ другъ другу голоса. Если въ Церкви продолжаетъ жить Христосъ, то какъ же возможно, что въ православной Церкви у Него два голоса?

Было сказано, что у восточныхъ церквей нѣтъ и единства общенія. Убѣдительнѣйшимъ доказательствомъ тому служить отношеніе разныхъ національныхъ церквей къ церкви Болгарской. Многимъ, навѣрное, извѣстно, что съ 1872 г. греки считаютъ болгаръ раскольниками. По ученію отцовъ церкви, расколъ — дѣло ужасное, великій грѣхъ противъ Христа, противъ Его мистическаго тѣла. Объ этомъ знали церкви русская и сербская, однако, какъ будто ничего не случилось, продолжали общаться съ церковью болгарской, какъ съ совершенно неповинной ни въ какомъ нарушеніи церковныхъ правилъ. Другой фактъ: къ 1930 г. подготовлялся вселенскій соборъ; въ Россіи происходила смута, церковные расколы. Обновленцы не только внѣшне порвали съ патріаршей церковью, но въ самой церковной жизни пошли на столь радикальныя реформы, что любой вѣрующій могъ спросить себя: какъ же они считаютъ себя православными? И тѣмъ не менѣе, къ великому удивленію русскихъ, Цареградскій патріархъ пригласилъ на предсоборное совѣщаніе на Афонѣ делегатовъ какъ отъ патріаршей церкви, такъ и отъ обновленческой, какъ равноправныхъ представителей православія.

Сегодня почти во всемъ православіи преобладаетъ система автокефальныхъ церквей. Существуетъ цѣлый рядъ самостоятельныхъ церквей, тѣсно связанныхъ съ условіями и національными интересами той или иной націи или страны, но почти не общающихся съ другими церквами, не заботящихся объ общихъ всеправославныхъ дѣлахъ, миссіяхъ и пр. Каждый, кто прочтетъ съ вниманіемъ XV—XVII гл. Евангелія Іоанна и подумаетъ о взаимоотношеніяхъ автокефальныхъ церквей, въ правѣ спросить себя, гдѣ же тутъ соотвѣтствіе со словами Христа, гдѣ единая лоза, гдѣ тутъ единое тѣло? Не подумайте, что только мы, — католики, — замѣчаемъ эту разобщенность,

отсутствіе единства въ православіи. Вотъ что говоритъ извѣстный историкъ и знатокъ православной Церкви проф. А. В. Карташовъ: »Отталкиваніе отъ греческаго націонализма и империализма было важнѣйшей причиной отпаденія отъ единства Церкви въ древности, по поводу догматическихъ споровъ, цѣлаго ряда національныхъ церквей. Оно же породило въ лонѣ самой православной Церкви вѣковую борьбу разныхъ другихъ церквей за независимость (разумѣется, отъ грековъ). Въ отвоєванные автокефаліи влился и вѣковой осадокъ взаимныхъ отчужденій, лишаящій восточную Церковь ея живого единства (подчеркнуто А. В. Карташовымъ). Автокефальныя церкви общаются между собою еще въ болѣе слабой степени, чѣмъ сами націи и государства«. (Путь, № 47, стр. 23). И какъ ранѣе насчетъ вѣры, такъ и нынѣ насчетъ общенія приходится сказать, что не только во всей православной церкви нѣтъ единства, но его нѣтъ и въ отдѣльныхъ національныхъ церквахъ. Живымъ примѣромъ служить русская эмигрантская церковь. Когда въ Россіи наносятся удары христіанству, когда все призываетъ эмиграцію къ тому, чтобы возможно болѣе сплотиться и этимъ своимъ единствомъ хотя бы до нѣкоторой степени умиловитъ Христа, столь ясно и на стойчиво призывающаго усвоихъ чениковъ къ единству, небольшая группа русскихъ православныхъ въ Америкѣ сумѣла создать себѣ даже четыре юрисдикціи, четыре Церкви.

Итакъ, нѣтъ единства вѣры, нѣтъ единства общенія, нѣтъ братской любви у восточныхъ церквей. Соединеніемъ съ католической церковью онѣ то и другое получаютъ.

Что же еще принесетъ восточнымъ церквамъ единеніе съ католичествомъ? Оно освободитъ ихъ отъ »юридизма«, отъ постоянныхъ споровъ о правахъ, или же отъ постоянныхъ неканоническихъ положеній. Такое утвержденіе можетъ вамъ показаться страннымъ, ибо именно католическую церковь столь жестоко обвиняли и обвиняютъ въ юридизмѣ протестанты и близкіе имъ русскіе писатели Хомяковъ, Бердяевъ и др. А вдругъ вамъ говорятъ, что единеніе съ католической церковью избавитъ восточныя церкви отъ юридизма? Да, это правда.

Долженъ оговориться, что Хомяковъ и Бердяевъ въ извѣстной мѣрѣ правы. Разъ Христосъ завѣщалъ Петру быть пастыремъ Его овецъ, то естественно это получило отраженіе и въ нашихъ догматическихъ книгахъ, гдѣ говорится о верховной власти Петра и его преемниковъ въ отношеніи къ другимъ апостоламъ, къ другимъ епископамъ, и въ церковномъ правѣ, и въ книгахъ литургическихъ, и въ исторіи церкви. Въ нихъ много говорится о правахъ папъ, о правахъ епископовъ, *de jure* — вотъ юридизмъ. Изъ Христова установленія папства и епископства выводятся практическія заключенія, дабы въ церкви ясно знали свое мѣсто и епископы, и міряне, и чтобы такимъ образомъ церковная жизнь шла чинно, насколько, конечно, это возможно между людьми, хотя бы людьми доброй воли. Въ случаѣ же недоразумѣній, непредвидѣнныхъ столкновеній и несогласій, есть въ католичествѣ отъ Христа-Бога установленный судія — папа, къ которому всегда можно обратиться за разрѣшеніемъ спорныхъ вопросовъ. И преемники Петровы по своему апостольскому служенію заботятся не только о мирѣ среди самихъ вѣрующихъ, но дѣятельно борются — часто до мученической кончины — противъ посягательствъ со стороны владыкъ міра сего на ходъ церковно-религіознаго дѣла. Борьба эта была часто очень трудной, потому что не всегда можно было по любви привести къ миру непослушныхъ епископовъ, или посягателей императоровъ. И сколько упрековъ сдѣлано имъ за эту святую борьбу, сколько жестокихъ обвиненій во властолюбіи, честолюбіи, гордынѣ? Во всякомъ случаѣ, должно признать, что въ лицѣ папства католическая церковь имѣетъ живой авторитетъ и средство для того, чтобы религіозная жизнь вѣрующихъ не нарушалась постоянными и длительными спорами о правахъ или вмѣшательствомъ въ нее мірскихъ властей.

Обратимъ теперь наши взоры на востокъ. Что тамъ видимъ? Не буду говорить о спорѣ между Карловцами и митрополитомъ Евлогіемъ, — всѣмъ это хорошо извѣстно, и я не хочу затрагивать больныя мѣста вашей души. Не стану распространяться и о долготѣннемъ спорѣ о правахъ между Цареградомъ и Бол-

гарской церковью. Расскажу только слѣдующее: недавно я читалъ книгу*) о христіанскихъ церквахъ ближняго Востока — Малой Азіи, Африки и Константинополя. Авторъ книги менѣе обращаетъ вниманія на догматическіе и литургическіе вопросы, а останавливается, главнымъ образомъ, на внутренней жизни восточныхъ церквей. И меня поразило, какъ черезъ всю исторію разныхъ православныхъ патріархатовъ какою-то красною нитью тянутся споры о правахъ. Раньше это были, главнымъ образомъ, споры мірянъ съ іерархами о большемъ представительствѣ въ синодахъ, на соборахъ, о вліяніи на управление церковнымъ имуществомъ, на школы и т. п. Послѣ долголѣтнихъ препирательствъ, казалось, наступилъ миръ. Но вотъ послѣ войны появился новый поводъ для споровъ: оказывается, что турецкіе и арабскіе вѣрующіе домогаются свершенія литургіи на турецкомъ и арабскомъ языкѣ, своихъ священниковъ, участія и вліянія на дѣла церковныя, которыя доселѣ были исключительной монополіей грековъ. Дошло до того, что арабы закрыли патріарху доступъ въ кафедральный соборъ въ Александріи, и когда стала грозить опасность возстанія, тогда сильная и богатая рука англійскаго комиссара, подобно тому, какъ раньше рука султана, навела миръ, склонивъ патріарха къ уступкамъ. Много можно было бы сказать объ этихъ расколахъ и препирательствахъ о правахъ, при которыхъ обѣ стороны ссылаются на церковные каноны, на исторію. Я хотѣлъ бы только обратить ваше вниманіе на то, что изъ за такого хаоса страдаетъ духовная жизнь: сколько тутъ теряется духовной энергіи, интереса, который могъ бы быть использованъ на иныя, болѣе важныя проблемы: соціальныя, миссіонерскія, на проблемы христіанской культуры. Какъ малую иллюстрацію, въ подтвержденіе сказаннаго, приведу замѣтку о церковныхъ дѣлахъ въ Америкѣ, напечатанную въ свое время въ «Возрожденіи» (29. V. 1934): «Церковная жизнь съ кончиной митрополита Платона сильно осложнилась. До сих поръ здѣсь было четыре православныхъ юрисдикціи: платоновская, карловац-

*) Prof. Frant. Musil: Křesťanské Cirkve nynějšího Orientu. Olomouc 1939.

кая, карпаторусская и сергіевская. Полнаго объединенія церкви горячо желаетъ огромное большинство мірянъ. Но какъ и на чемъ объединиться? Началась страшная агитація. Каждый тянетъ въ свою сторону. Собираются митинги, идутъ споры. Одни надѣются на объединеніе, другіе опасаются, что съ отпаденіемъ авторитета митрополита Платона станетъ еще хуже». Какъ обстоитъ дѣло съ христіанской любовью при подобныхъ агитаціяхъ, за того или другого кандидата, при борьбѣ за то или другое направленіе, объ этомъ съ достаточной ясностью поучаетъ насъ исторія современныхъ обществъ...

Но пора уже кончить сужденіе о первомъ пунктѣ нашего доклада, о первомъ приобрѣтеніи, указанномъ Н. О. Лосскимъ, и перейти къ другому вопросу, вопросу о независимости. Дѣйствительно, каждый католикъ согласится съ многоуважаемымъ Николаемъ Онуфріевичемъ, что восточная церковь, ея іерархи получаютъ черезъ единеніе съ католической церковью независимость. Какую независимость? Какъ ее понимать? Отвѣтъ получится самъ собою, если мы сначала уяснимъ себѣ зависимость восточныхъ церквей. Почти всякому, кто изучалъ церковную исторію Византіи или Россіи, въ глаза бросается одинъ фактъ: какъ православные іерархи оказались слабыми и нетвердыми въ отстаиваніи правъ Церкви и христіанскихъ началъ предъ сильными міра сего! Да, были исключенія. Я знаю про патріарховъ Цареграда, получившихъ даже мученическій вѣнецъ, про митрополита св. Филиппа, патріарха Никона. Но какъ это мало! Какъ это ужасающе мало на протяженіи долгихъ столѣтій! Есть какая-то внутренняя трагедія въ томъ, что тѣ, кто съ такой смѣлостью выступали противъ папъ, предъ кесаремъ вели себя такъ низкопоклонно, такъ слабо, что отъ этого должно быть стыдно каждому христіанину.

Упомяну только про слабость русскихъ іерарховъ при Петрѣ Великомъ. Вамъ извѣстно, что Петръ Великій не только своевластно перемѣнилъ церковн йстрой русской церкви, на совершенно новыхъ началахъ, взятыхъ у протестантовъ, и чуждыхъ всему прошлому русской церкви, но внѣдрился даже въ самую святыню: исповѣдь сдѣлалъ орудіемъ сыска, приказавъ

священникамъ въ трехъ случаяхъ доносить о слышанномъ на исповѣди: если узнають о покушеніи противъ царя, о ложныхъ чудесахъ и о ложно объявляемыхъ мощахъ. Такое требованіе императора должно было бы вызвать самый рѣшительный отпоръ, а что же случилось? Почти что съ полнымъ молчаніемъ и согласіемъ приняла русская іерархія это повелѣніе.

Въ заключеніе скажу, что восточная іерархія, найдя послѣ присоединенія къ католицизму точку опоры внѣ своей узконаціональной среды, получить большую твердость въ отстаиваніи Христовой вѣры, Христовыхъ началъ. Къ этой точкѣ опоры, къ скалѣ Петровой не стыдились прибѣгать такіе столпы и свѣтила, какъ Афанасій Великій, Іоаннъ Златоустъ, бл. Августинъ, — зачѣмъ же бояться признать эту точку опоры и къ ней прибѣгать современнымъ іерархамъ Греціи и Россіи?

Можно было бы говорить и о другихъ видахъ церковной независимости, но я не хочу злоупотреблять вашимъ вниманіемъ, тѣмъ болѣе, что они тѣсно связаны съ основнымъ аспектомъ, именно, съ независимостью іерархіи. Зато я укажу на другія блага, которыя принесетъ чаемое единеніе съ католической церковью, но очень коротко. Возстановленіемъ своего общенія съ Римомъ восточныя церкви:

а) приобщатся къ вселенскости: Думаю, что вамъ не трудно согласиться съ тѣмъ, что восточныя церкви не имѣютъ характера вселенскости. Впрочемъ, еслибы вы пожелали, чтобы я вамъ такое подтвержденіе привелъ изъ устъ самихъ же православныхъ авторовъ, мнѣ бы не было трудно сдѣлать это.

б) обрѣтутъ, по крайней мѣрѣ, въ болѣе степени духъ апостольства. Въ нѣкоторыхъ восточныхъ церквахъ онъ почти угасъ. Въ другихъ, особенно русской, существуетъ, но сами русскіе какъ-то инстинктивно сознають его слабость. Мнѣ хочется привести одно характерное въ этомъ отношеніи мѣсто изъ «Путешествія въ Эрзерумъ» Пушкина. Говоря о черкесахъ, объ ихъ сближеніи съ русскими, онъ писалъ:

»Вліяніе роскоши можетъ благопріятствовать ихъ укрощенію, самоваръ былъ бы важнымъ нововведеніемъ. Есть, наконецъ, средство болѣе сильное, болѣе нравственное, болѣе со-

образное съ просвѣщеніемъ нашего вѣка: проповѣданіе Евангелія, но объ этомъ средствѣ Россія донинѣ и не подумала. Терпимость сама по себѣ вещь очень хорошая, но развѣ апостольство съ нею несомѣстимо? Развѣ истина дана намъ для того, чтобы скрывать ее подъ спудомъ? Мы окружены народами, пресмыкающимися во мракѣ дѣтскихъ заблужденій, и никто изъ насъ еще не думалъ препоясаться и итти съ миромъ и крестомъ къ бѣднымъ братьямъ, лишеннымъ донинѣ свѣта истиннаго. Такъ-ли исполняемъ мы долгъ христіанства? Кто изъ насъ, мужъ вѣры и смиренія, уподобится святымъ старцамъ, скитающимся по пустынямъ Африки, Азіи и Америки, въ рубищахъ, часто безъ обуви, крова и пищи, но оживленнымъ теплымъ усердіемъ. Какая награда ихъ ожидаетъ? Обращеніе престарѣлаго рыбака, или странствующаго семейства дикихъ, или мальчика, а затѣмъ нужда, голодъ, мученическая смерть. Кажется, для нашей холодной лѣности легче, взамѣнъ слова живого, выливать мертвыя буквы и посылать нѣмыя книги людямъ, не знающимъ грамоты, чѣмъ подвергаться трудамъ и опасностямъ, по примѣру древнихъ апостоловъ и новѣйшихъ римско-католическихъ миссіонеровъ». (Изд. 1829 г., глава I).

Когда я думаю объ апостольскомъ духѣ въ католичествѣ, когда я размышляю о томъ, что въ иныхъ католическихъ странахъ почти нѣтъ ни одного города или деревни, которые не имѣли бы миссіонера, въ далекихъ странахъ, которые не переживали бы той удивительной поэзіи, той чистой, неземной радости, связанной, напр., съ прощаніемъ миссіонера, уходящаго на проповѣдь Христова Евангелія куда-нибудь въ дебри Африки, Америки, или же послѣ долгихъ лѣтъ странствія приходящаго обратно и встрѣчаемаго съ радостью и участіемъ всѣмъ населеніемъ, то мнѣ въ глубинѣ души становится жалко русскаго народа, тѣхъ безчисленныхъ русскихъ деревень, что онѣ лишены такого идеальнаго, чисто духовнаго утѣшенія во Христѣ, такого близкаго участія въ распространеніи Его царствія.

б) Приблизиться къ Евхаристіи. Вотъ что говоритъ св. Василій Великій о частомъ причащеніи: «Хорошо и преполезно

каждый день приобщаться и принимать Св. Тѣло и Кровь Христову, потому что самъ Христосъ ясно говоритъ: »Ядый Мою плоть и пійай Мою кровь во Миѣ пребываетъ, и Азъ въ немъ«. (Письмо 93.) Прошу замѣтить, что св. Василій говоритъ это не какому-либо монаху, или священнику. Нѣтъ, онъ пишетъ женѣ одного патриція въ Каппадокіи. А какую картину представляетъ въ этомъ отношеніи православная церковь? Какъ обстоитъ въ ней дѣло съ почитаніемъ и причастіемъ Божественныхъ Тайнъ Христовыхъ? Вы лучше меня знаете объ этомъ. Но чтобы дать себѣ отчетъ, какой тутъ бываетъ иногда глубокой пробѣлъ, позвольте привести слѣдующую горестную замѣтку одного русскаго мірянина о своихъ православныхъ іерархахъ и священникахъ, принявшихъ участіе во всемірныхъ екуменическихъ сѣздахъ 1937 года: »Характерно, что подавляющее большинство православнаго духовенства, пріѣхавъ на сѣзды въ Оксфордѣ и Единбургѣ, не взяло ни облаченій, ни сосудовъ, необходимыхъ для богослуженія, несмотря на то, что оба сѣзда длились въ общей сложности цѣлый мѣсяцъ и на каждомъ изъ нихъ было не менѣе тридцати православныхъ делегатовъ. Когда на сѣздѣ въ Оксфордѣ начались все же православныя службы, то обнаружилось, что изъ 7 епископовъ и 11 православныхъ священниковъ, присутствовавшихъ на немъ, только одинъ имѣлъ облаченія и могъ удовлетворять молитвенныя потребности православной паствы«. (Путь, 1938 г., № 55, стр. 78).

Подобныя явленія навѣрное устранятся возсоединеніемъ съ католичествомъ. И не только клиръ, но и міряне приблизятся къ Евхаристическому Христу. А отъ приближенія къ Евхаристіи, отъ болѣе частаго принятія Св. Таинъ, сама по себѣ возрастетъ, умножится любовь ко Христу, — та любовь, которую воспѣлъ къ своему незабвенномъ гимнѣ (I Коринф., гл. 13), апостоль Павелъ, — любовь терпѣливая, жертвенная, проникнутая апостольскимъ рвеніемъ. И эта любовь въ концѣ концовъ самое главное, единственно важное для Церкви, для насъ. Если у насъ будетъ такая любовь, если наша любовь не будетъ только слабымъ, еле горящимъ огонькомъ, а живымъ пла-

менемъ, какимъ она была въ сердцѣ святого апостола Павла, то не трудно будетъ преодолѣть всѣ препятствія на пути къ единенію, не трудно будетъ исполнить волю нашего Благословеннаго Наставника, сказавшаго »Да будетъ едино стадо и единъ настырь«.

Свящ. *Іоаннъ Кельнеръ*.

ЧТО НАСЪ РАЗДѢЛЯЕТЪ.

Въ засѣданіи Русскаго Философскаго общества въ Прагѣ 7 февраля с. г. проф. Н. О. Лосскій изложилъ содержаніе ряда статей, написанныхъ русскими и иностранными авторами по вопросу объ особенностяхъ восточной церкви и возможности соединенія ея съ церковью западной. Статьи эти входятъ въ сборникъ «*Der christliche Osten*», изданный въ Германіи, и появленіе его свидѣлствуетъ, что проблема объединенія христіанъ имѣетъ и въ настоящее время актуальное значеніе.

Той же темѣ посвященъ былъ обстоятельный докладъ князя Карла Шварценберга, прочитанный 15 мая въ аудиторіи Института Кондакова. Лица, принимавшіе участіе въ обмѣнѣ мнѣній по прочтеніи докладовъ, принципиально высказались за соединеніе церквей, но развили свои соображенія о препятствіяхъ къ практическому рѣшенію этой задачи. Что препятствія существуютъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣній, иначе церкви не оставались бы разьединенными въ теченіе почти тысячелѣтій; но столь же несомнѣнно и то, что христіанинъ не можетъ не скорбѣть о существующемъ расколѣ, который нарушаетъ волю Господа, Основателя церкви, желавшаго, чтобы было единое стадо вѣрующихъ въ Него и чтобы стадо это управлялось единымъ Пастыремъ. На послѣдней вечери со своими учениками Онъ молился: «Отче святыи, соблюди ихъ во имя Твое, тѣхъ, которыхъ Ты далъ Мнѣ, чтобы они были едино, какъ Мы... Я въ нихъ и Ты во Мнѣ, да будутъ совершены во Едино» (Іоан., XVII, II, 23). Слѣд., наше христіанское единеніе должно быть подобіемъ единства Отца и Сына въ Св. Троицѣ, нераздѣльное и ненарушимое, и потому нѣтъ препятствій, которыя мы не могли бы преодолѣть, если только желаемъ остаться учениками Того, Кто — побѣдилъ міръ. Объ этомъ непрестанно молятся христіане, когда на Ектеніи просятъ Бога о «мирѣ всего міра и соединеніи всѣхъ».

Нельзя допустить, чтобы слова эти остались «мѣдью звенящей» и не претворялись въ дѣланіе; тѣмъ болѣе недопустимо изыскивать искусственныя препятствія къ выполнению воли Божьей. Съ глубокой скорбью можно слышать заявленія, что церкви восточная и западная разошлись такъ далеко, что о соединеніи ихъ не можетъ быть рѣчи; что только въ восточной церкви сохранился подлинный духъ Христовой вѣры; что отъ восточной церкви, въ частности, отъ русской изойдетъ «новое слово», которое вознесетъ ее надъ всѣми церквами христіанскими, утратившими простоту и чистоту первобытной духовности и погрузившимися въ мірскую суету. Говорящіе такъ забываютъ, что «во всякомъ народѣ боящійся Его и поступающій по правдѣ пріятель Ему» (Дѣянія, X, 35) и такихъ «пріятныхъ Богу» много было, есть и будетъ какъ въ восточной церкви, такъ и на западѣ. Упованіе же на «новое слово» есть возрожденіе заблужденій Монтана или средневѣковаго Іоакима изъ монастыря Флоры, которые считали христіанскую церковь только переходной ступенью отъ несовершеннаго къ совершенному, къ вѣку «Параклета Утѣшителя» и установленію «Вѣчнаго Евангелія», въ которомъ дано будетъ послѣднее великое откровеніе. Нѣтъ, не къ будущему, фантастическому откровенію должны мы направить наши взоры, а къ прошлому, реальному, данному Христомъ и апостолами, въ которомъ Вселенская Церковь жила два тысячелѣтія. Упованіе же на новое Откровеніе есть Богоборчество, сопротивленіе Христу и отъ ожидающихъ его надо удаляться, какъ отъ лже-христіанъ, по своему самомнѣнію неспособныхъ къ исправленію.

Въ наше время всѣ силы зла направлены противъ церкви Христовой. Атеизмъ, матеріализмъ, воинствующее масонство уже не являются только философскими системами, обслуживаемыми въ ограниченномъ кругѣ людей образованныхъ, а распространяются въ широкихъ народныхъ массахъ и становятся основой политики многихъ государствъ. Эти системы не предлагаются народамъ для свободнаго ихъ пріятія или отверженія, а предписываются государственными властями, которые не останавливаются предъ примѣненіемъ силы, чтобы заста-

вить себѣ подчиниться. Вѣрующій знаетъ обѣтованіе, данное церкви, что »врата адовы не одолѣютъ ее«, но изъ этого не слѣдуетъ, что надо оставаться пассивнымъ и ожидать чуда-прямого вмѣшательства Божественнаго Промысла въ дѣло устроенія земной церкви. Церковь потому и называется воинствующей, что собственными силами борется за торжество идеаловъ христіанской жизни. Нынѣ предъ лицомъ исключительной опасности, ясно сознаваемой всѣми вдумчивыми людьми, вѣрующіе не должны оставаться разъединенными и обезсиленными взаимной борьбою, но обязаны прекратить раздоры и найти почву для соглашенія и примиренія.

А для этого надо прежде всего твердо установить, что же насъ раздѣляетъ? Это необходимо потому, что даже среди людей высокообразованныхъ и культурныхъ немного есть такихъ, которые въ точности знаютъ, какія догматическія расхожденія существуютъ между западной и восточной церковью, большинство же просто на вѣру приняло распространенныя утвержденія, не имѣющія ничего общаго съ дѣйствительностью. Можно указать на примѣръ послѣдняго догмата Ватиканскаго собора о безошибочности папы, который называютъ догматомъ о »папской непогрѣшимости« и въ опроверженіе его ссылаются на порочное поведеніе нѣкоторыхъ папъ, Іоанна XII, Бенедикта IX, Александра VI, Борджіа и др.

Болѣе серьезное ознакомленіе съ основными догматами западной церкви позволяетъ утверждать, что церковь эта не удалилась въ своемъ вѣроученіи отъ того, что установили святые и великіе отцы патристическаго періода и что утверждено было первыми вселенскими соборами. Если существуютъ споры о вѣрѣ, то они являются скорѣе плодомъ недоразумѣнія или — въ худшемъ случаѣ — умышеннаго искаженія мнѣній противной стороны, чтобы отстоять во что бы то ни стало свою точку зрѣнія.

Единство вѣры несомнѣнно должно быть тою связью, которая скрѣпляетъ всѣхъ истинныхъ христіанъ. Задачей настоящей статьи есть доказательство того, что единство вѣры существуетъ у восточной и западной церкви, у православно-россійской и римско-католической. Во всякомъ случаѣ оно было въ пер-

вые восемь вѣковъ жизни церкви, и если теперь оно нарушено, то не по винѣ римской церкви. Было бы несправедливо утверждать, что по винѣ церкви восточной. Скорѣе надо допустить, что произошли событія, которыя нарушили миръ и доброе согласіе двухъ православныхъ церквей и не было сдѣлано все, что необходимо, дабы миръ былъ восстановленъ. Въ самомъ дѣлѣ, обѣ церкви имѣютъ одинаковые основные догматы, одинаковое ученіе о морали, сходное по духу и формѣ богослуженіе, одни и тѣ же таинства и совершенно одинаковое пониманіе ихъ, однѣ и тѣ же формы благочестія: молитву, постъ, почитаніе святыхъ; одинаково управляются іерархіей, ведущей свое начало отъ апостоловъ и отъ нихъ принявшей церковное преданіе. Вѣроученіе западной и восточной церкви истекло изъ одного и того же источника: св. писанія, преданія и мудрости отцовъ первыхъ восьми вѣковъ христіанства, когда обѣ церкви составляли единство.

Нельзя говорить о соединеніи католиковъ или православныхъ съ лютеранами, кальвинистами, пресвитеріанами, или съ возникшими въ протестантствѣ безчисленными сектами—баптистовъ, методистовъ, мормоновъ, гуситовъ и т. п., которыя въ своихъ заблужденіяхъ ушли такъ далеко, что утратили право именоваться христіанами. Они отвергли не только внѣшніе обряды и формы богослуженія, но самое существо религіи, ибо религія есть связь, соединяющая человѣка съ Богомъ посредствомъ таинствъ, они же эти таинства не признаютъ. Поэтому такіе сектанты, если бы пожелали воссоединиться, должны сначала отречься отъ своихъ заблужденій, принести искреннее покаяніе, подчиниться учащей церкви, и только послѣ этого можно говорить о включеніи ихъ въ единое тѣло Христово. Но ни католикамъ передъ православными, ни православнымъ передъ католиками не въ чемъ отречься по существу ихъ вѣры, а надлежитъ только согласовать словесныя формулы, выражающія однѣ и тѣ же истины, но только разными способами. Для католика православный не является еретикомъ, то есть неправомъ вѣрующимъ, а лишь раскольниковъ, отступившимъ отъ дисциплинарнаго единства; также и восточ-

ный христіанинъ не можетъ упрекать западнаго въ неправославіи, потому что никогда ученіе церкви католической не было осуждено и анафематствовано ни однимъ вселенскимъ соборомъ.

Никейскій соборъ осудилъ ересь Арія, Константинопольскій — Македонія, Ефесскій — Несторія, Халкидонскій — Евтихія, Константинопольскій II — разрѣшилъ споры о природахъ и лицахъ въ Иисусѣ Христѣ, Константинопольскій III — осудилъ монофелитовъ, Никейскій II — иконоборцевъ. Но какой вселенскій соборъ осудилъ ученіе Римской церкви объ исхожденіи Св. Духа, о Непорочномъ зачатіи Св. Дѣвы или безошибочности Римскаго епископа?

Фотій, творецъ перваго раскола, выставилъ противъ латинянъ такія обвиненія: они постятся въ субботу, ѣдятъ молоко въ первую недѣлю Великаго поста, священники ихъ бреютъ бороду, діаконовъ возводятъ въ епископы, минуя санъ священническій, запрещаютъ священникамъ совершать миропомазаніе, прибавили къ VIII члену Символа вѣры слово — «Филиокве». И соборъ византійскихъ епископовъ отлучилъ папу Николая I въ 867 г. отъ церкви. Императоръ Михаилъ III, покровитель Фотія, былъ убитъ македоняниномъ Василиемъ, который, вступивъ на престолъ, низложилъ Фотія и возстановилъ на кафедрѣ незаконно свергнутаго патріарха св. Игнатія. Онъ просилъ папу Адріана II созвать вселенскій соборъ для разрѣшенія несогласій между обѣими церквами Вселенскій соборъ былъ созванъ въ 869 г., утвердилъ низложеніе Фотія и принялъ предложенное папскими легатами добавленіе къ символу слова «Филиокве». Но Фотію удалось снискать милость новаго императора, и когда св. Игнатій умеръ, Фотій вторично сдѣланъ патріархомъ. Забывъ «неправославіе латинянъ» онъ просилъ папу Іоанна VIII не противиться его назначенію. Торжество Фотія продолжалось недолго: новый императоръ Левъ IV опять низложилъ Фотія и заключилъ его въ тюрьму, гдѣ онъ и умеръ.

Приведенныя выше обвиненія едва ли могутъ служить достаточнымъ основаніемъ для раздѣленія церквей, потому что

касаются внѣшнихъ формъ благочестія и дисциплины, а не догматовъ. Всѣ, кромѣ послѣдняго, на которомъ и надо подробнѣе остановиться, чтобы выяснить сущность расхожденія. Вопросъ касается исхожденія Св. Духа, по формулѣ восточной церкви »отъ Отца«, по формулѣ западной — »отъ Отца и Сына«.

Въ древнѣйшемъ, такъ называемомъ »апостольскомъ« символѣ вѣры, который по преданію составленъ самими апостолами, причемъ каждый изъ нихъ произнесъ по одному члену, сказано: *Credo in Spiritum sanctum*. Въ Никейскомъ символѣ, составленномъ въ 325 г. вселенскимъ первымъ соборомъ, ученіе о Св. Духѣ выскано столь же кратко: *πιστεύομεν εἰς τὸ αὐτὸν πνεῦμα*.

Но въ промежуткѣ между первымъ Никейскимъ и вторымъ Константинопольскимъ соборами появилась ересь Македонія, патріарха Константинопольскаго, который училъ, что Святой Духъ не Богъ, третье лицо Св. Троицы, а »служитель«, то есть твореніе. Поэтому второй соборъ уточнилъ Никейскую формулу: »И въ Духа Святого, Господа Животворящаго, иже отъ Отца исходящаго, иже со Отцомъ и Сыномъ споклоняемаго и славимаго, глаголаващаго пророки«. Надо, однако, замѣтить, что та же самая формула встрѣчается въ сочиненіи »Анкоратусъ« св. Епифанія, написанномъ въ 374 г., и въ Катехизисѣ св. Кирилла Іерусалимскаго, бывшемъ въ употребленіи въ срединѣ IV вѣка; слѣдовательно, надо заключить, что соборъ 380 г. воспользовался уже готовой формулой, выработанной отцами церкви въ періодъ борьбы съ пневматомахами, послѣдователями Македонія.

Отцы Константинопольскаго собора вынесли канонъ I: »Исповѣданіе вѣры 318 Никейскихъ отцовъ въ Вифиніи не должно мѣняться«. Исповѣданіе вѣры, то есть формула символа, и не мѣнялась, но богословская мысль старалась расширить и углубить пониманіе догмата. Что Св. Духъ исходитъ отъ Отца не отвергалось ни тогда, ни теперь западной церковью, ибо Отецъ безспорно есть начало двухъ другихъ Лицъ Св. Троицы. Но возникаетъ вопросъ: имѣетъ ли Сынъ какое либо участіе въ исхожденіи Св. Духа? Этотъ вопросъ обсуждался богословами

еще до созыва первых двух соборов, и не латинскими только, но и греческими отцами. Тертуллианъ во II вѣкѣ высказалъ мысль, что Св. Духъ исходитъ отъ Отца черезъ Сына: *ex Patre per Filium*. Этого мнѣнія держалась западная церковь и въ III и въ IV вѣкѣ и, конечно не въ тайнѣ отъ восточной, но это не было поводомъ для конфликта.

Многіе восточные отцы высказали по этому вопросу такія мысли*): Св. Афанасій въ письмѣ «Серапіону» говоритъ, что Св. Духъ есть Духъ Сына, Его освящающая и просвѣщающая сила, исходящая отъ Отца, ибо Сынъ, который также отъ Отца, сіяетъ ею, посылаетъ и даетъ ее». Онъ высказываетъ предположеніе, что Святой Духъ пребываетъ въ Отцѣ только потому, что находится въ Сынѣ: Сынъ сказалъ: «Все, что у Отца — Мое (Іо. XV, 16) такъ все есть въ Духѣ Святомъ черезъ Сына». И въ другихъ своихъ сочиненіяхъ св. Афанасій утверждаетъ, что Св. Духъ непосредственно происходитъ отъ Сына.

Св. Кириллъ Іерусалимскій училъ такъ: «Отецъ даетъ Сыну, а Сынъ сообщаетъ Св. Духу» (Катех., XVI, 24). Св. Василій Великій полагалъ, что Св. Духъ исходитъ отъ Отца, но «природная благодѣтельность, святость и царственное достоинство исходятъ на Св. Духъ отъ Отца черезъ Единороднаго» (О Св. Духѣ, 47). Св. Духъ есть Духъ Сына, Его собственный Духъ, черезъ Него Сынъ все совершаетъ. Мнѣніе свое св. Василій повидимому основываетъ на текстѣ апостола Павла: «Богъ послалъ въ сердца ваши Духа Сына своего, вопіющаго: авва, Отче!» (Галатамъ, IV, 6.)

Св. Григорій Богословъ говоритъ, что такъ какъ Св. Духъ исходитъ отъ Отца, значитъ, Онъ не Отецъ, и такъ какъ Онъ исходитъ, а не рождается, значитъ Онъ не Сынъ. Но что такое исхожденіе и чѣмъ оно отличается отъ рожденія, св. Григорій не знаетъ.

Св. Григорій Нисскій, братъ св. Василія, въ трактатѣ «о томъ,

*) Точное указаніе святоотеческихъ текстовъ см. въ книгѣ о. Александра Волконскаго: Католичество и Священное Преданіе Востока. Парижъ 1933, Église catholique russe, 39 rue François Gérard, Paris XVIe.

что исповѣданіемъ трехъ иностасей не нарушается благочестивый догматъ единоначалія» говорить, что различіе Лицъ Св. Троицы въ томъ, что одно изъ нихъ есть начало, производящая причина, два другія — производныя отъ этой причины. Но произведены они различно: Сынъ непосредственно отъ Отца, Св. Духъ — черезъ Того, Кто произведенъ непосредственно. Св. Григорій поясняетъ свою мысль примѣромъ трехъ факеловъ, изъ которыхъ первый зажигаетъ второй и черезъ него зажигаетъ третій.

Дидимъ слѣпецъ писалъ, что Св. Духъ есть образъ Сына, какъ Сынъ — образъ Отца. Онъ высказываетъ предположеніе, что Св. Духъ исходитъ отъ Сына (О Св. Духѣ) Св. Епифаній въ трактатѣ «Анкоратусъ» пишетъ: «Сынъ отъ Отца — Богъ отъ Бога; Св. Духъ — отъ Сына, или отъ Отца и Сына, какъ сказано въ Евангеліи: «Онъ исходитъ отъ Отца и отъ Меня получаетъ. «Отецъ есть очагъ свѣта, — *φως ὁλων*; Сынъ—*φως ἐκ φωτος*; Св. Духъ — *φως τρίτον παρὰ πατρὸς καὶ υἱοῦ*. Если сравнить тексты св. Григорія Нисскаго и св. Епифанія, то всюду предлогъ »*δια*« — черезъ, отъ, употребляемый св. Григоріемъ, замѣняется у св. Епифанія союзомъ »*καί*«, т. е. »И«.

Св. Кириллъ Александрійскій училъ, что Св. Духъ отъ Сына получаетъ свою силу и дѣйствіе, Онъ — происходитъ изъ неизрѣченной природы Сына. Св. Кириллъ сравниваетъ Сына съ цвѣткомъ, Св. Духъ — съ ароматомъ цвѣтка, Сына — со свѣтомъ, Св. Духъ — съ лучомъ свѣта, Сына съ огнемъ, Св. Духъ — съ теплотою огня.

Св. Максимъ Исповѣдникъ, излагая ученіе о Св. Духѣ, говоритъ, что Онъ неизрѣченно исходитъ отъ Отца черезъ Сына.

Константинопольскій патріархъ св. Тарасій на VII вселенскомъ соборѣ исповѣдовалъ такъ свою вѣру: *ἐκ τοῦ πατρὸς διὰ υἱοῦ*. Западные учителя держались сходныхъ мнѣній. Тертуліанъ училъ: *ex Patre per Filium*. Св. Августинъ: *ex Patre et Filio*: отъ Отца и Сына. Но это, по мнѣнію епископа Гиппонскаго, отнюдь не исключаетъ, что Св. Духъ исходитъ отъ Отца *principaliter*, ибо Отецъ даетъ Сыну вмѣстѣ съ Его существомъ и силу произвести Св. Духъ (О Св. Троицѣ, ХУ,

29). Св. Иларій, написавъ, что Св. Духъ получаетъ свою природу отъ Сына, ставитъ вопросъ: одно и то же ли получать природу отъ Сына и исходить отъ Отца? Во всякомъ случаѣ, получая отъ Сына, Св. Духъ получаетъ отъ Отца, потому что все, что Сынъ даетъ Св. Духу, Онъ самъ получаетъ отъ Отца. Св. Духъ — *res naturae Filii, sed eadem res et naturae Patris est*.

Викторинъ утверждаетъ, что Отецъ далъ Сыну все, что имѣеть, также возможность сообщать себя другому, и потому Сынъ въ свою очередь далъ все Святому Духу: *Et quia quae habet Pater Filio dedit omnia, ideo et Filius qui motus est dedit omnia Spiritui sancto*.

Такимъ образомъ, ученіе отцовъ патристическаго періода, славнѣйшаго въ исторіи церкви, свидѣтельствуешь, что западная церковь въ своихъ мнѣніяхъ объ исхожденіи Св. Духа не удалилась отъ греческихъ великихъ учителей, которыхъ чтить и восточная церковь.

Съ другой стороны, текстъ Евангелія, на который обыкновенно ссылаются въ полемикѣ съ католиками: «Утѣшитель, котораго Я пошлю Вамъ отъ Отца, Духъ Истины, который отъ Отца исходитъ» (Іо. XV, 26), сопоставленный съ другими евангельскими текстами, не имѣеть того значенія, которое ему приписываютъ, а грамматическая форма, употребленная въ текстѣ: глаголь дѣйствительнаго залога «исходитъ» какъ будто даже свидѣтельствуешь, что въ актѣ исхожденія Отцу принадлежитъ только пассивная роль.

Уже отмѣчено, что формула: «отъ Отца черезъ Сына» высказана Тертуллианомъ во II вѣкѣ; св. Августинъ училъ въ началѣ V вѣка; на Толедскомъ соборѣ 589 г., когда аріанствующіе готскіе епископы и король Рекаредъ воссоединились съ православной церковью, символъ вѣры прочитанъ былъ такъ: *Credimus in Spiritum Sanctum, ex Patre et Filio procedentem*. Почему же восточная церковь не протестовала въ теченіе пяти вѣковъ, если на западѣ мыслили о Св. Духѣ ложно?

Внесеніемъ въ Никейскій символъ слова «Филіокве» несомнѣнно нарушенъ I канонъ Константинопольскаго собора, за-

прещавщій измѣнять формулу отцовъ 325 г.*). Когда это добавленіе было сдѣлано гальскими епископами по требованію императора Карла Великаго, папа Левъ III отнесся къ этому съ порицаніемъ и въ знакъ протеста приказалъ выгравировать двѣ серебряныя таблицы, одну по гречески, другую по латыни, съ Никейскимъ символомъ безъ слова »Филиокве« и вы-

*) Этотъ канонъ (правило), насколько онъ осуждалъ аріанскіе символы вѣры и прибавки еретическаго содержанія, имѣлъ характеръ догматическій. Поскольку же онъ запрещалъ расширеніе символа даже правовѣрными прибавками, онъ имѣлъ лишь характеръ дисциплинарный. Поэтому какъ въ другихъ дисциплинарныхъ вопросахъ, такъ тоже и въ этомъ высшимъ авторитетомъ въ Церкви (папой, всел. соборомъ) могла быть при другихъ условіяхъ и изъ-за важныхъ причинъ произведена перемѣна, могли быть внесены въ символъ новыя формулы, какъ это дѣйствительно случилось на 7-омъ вселенскомъ соборѣ, исповѣданіе вѣры котораго гласитъ »вѣруемъ... и въ Духа Святаго, Господа Животворящаго, иже отъ Отца чрезъ Сына исходящаго...«, и пакъ это случилось позже на Западѣ, когда въ противовѣсъ ложнымъ взглядамъ Фотія даже въ Римѣ было прибавлено къ символу слово *Filioque*. Что патріархъ Фотій ложно училъ объ исхожденіи Св. Духа и неправильно толковалъ ученіе Отцовъ Церкви, давно уже доказано католическими богословами. Понемногу это начинаютъ признавать и православные богословы (Болотовъ, о. Булгаковъ). Вотъ что говоритъ по этому вопросу о. Сергій Булгаковъ въ своей книгѣ »Утѣшитель« (Парижъ 1936): »Главное остріе полемики (католиковъ противъ Фотія) было направлено противъ двухъ утвержденій Фотія: во первыхъ, что латинское филиокве есть новшество, не имѣющее для себя основаній въ церковномъ преданіи, и, во вторыхъ, что оно вводитъ два начала во Св. Троицѣ и нарушаетъ монархію... Нужно сказать заранее, что 1-ая задача — показать неправоту или, по крайней мѣрѣ, односторонность патрологическихъ утвержденій Фотія была разрѣшена противниками исчерпывающее и неопровержимо. Подлинное изученіе святоотеческихъ текстовъ показало то, что фотіанство (— ученіе, что Св. Духъ исходитъ только отъ Отца) не совпадаетъ съ святоотеческимъ богословіемъ какъ въ вопросахъ объ исхожденіи Св. Духа, такъ и о мѣстѣ Его во Св. Троицѣ, и въ этомъ смыслѣ, какъ справедливо могли утверждать латины, само фотіанство есть богословское новшество...«, ибо »подавляющее большинство восточныхъ Отцовъ, можно сказать почти всѣ они, исповѣдывали (исхожденіе Св. Духа не отъ одного Отца а отъ Отца) чрезъ Сына, которое и есть господствующій теологуменомъ восточной Церкви въ эпоху вселенскихъ соборовъ...« (Стр. 114, 128.) Подробнѣе вопросъ о филиокве изложенъ въ книгѣ о. Волконскаго стр. 339—375.

вѣсить ихъ въ Исповѣдальнѣ св. Петра. Конечно, папа признавалъ правильность западнаго ученія о Св. Духѣ, но не желалъ нарушить канонъ, запрещавшій измѣнять формулу Никейскаго символа. Тѣмъ не менѣе измѣненіе все таки было внесено въ 1014 г. папой Бенедиктомъ VIII по просьбѣ императора Генриха II Святого, ссылавшагося на то, что ученіе объ исхожденіи Св. Духа отъ Отца и Сына глубоко вошло въ сознаніе вѣрующаго народа запада. И если вмѣстѣ съ папой Львомъ III можно осудить измѣненіе, внесенное въ VIII членъ символа западной церковью, то съ такимъ же правомъ надо осудить неправильный и совершенно произвольный переводъ IX члена, допускаемый церковью русской. Въ греческомъ текстѣ символа написано: *«εις μαν αγιαν καθολικην και αλοστο-
λικην εκκλησιαν»* А слово *«καθολικη»* переводится не «католическую», а «соборную», что даетъ поводъ произвольно толковать смыслъ текста.

Соединеніе трехъ Лицъ Св. Троицы; ихъ единосушіе, несліянность и нераздѣльность; предвѣчное рожденіе Сына; соединеніе двухъ природъ, божеской и человѣческой, въ единомъ лицѣ Іисуса Христа, Бога Слова, — все это тайны домостроительства Божьяго, недоступныя нашему земному разуму. Эти тайны откроются предъ рабомъ добрымъ и вѣрнымъ, когда онъ войдетъ въ радость Господина своего. Тайну Св. Троицы пытался изобразить Данте въ своемъ видѣніи Рая, гдѣ три лучезарныхъ круга, равной величины, взаимно покрываютъ другъ друга, но не сливаются. Великій поэтъ такъ представляетъ намъ ученіе св. Августина о *circumīncessio*, или о взаимномъ проникновеніи трехъ Лицъ Божества. Это ученіе не было чуждо и греческой церкви, которая имѣла для него и особый терминъ: *«περίχωρις»*. Какъ при этомъ взаимномъ проникновеніи Лицъ Св. Троицы можно устранить лицо Сына отъ предвѣчнаго дѣйствія Отца? Опять повторяемъ — здѣсь тайна, которую мы разгадать не можемъ, и у насъ больше основаній съ довѣріемъ отнестись къ свидѣтельству столькихъ прославленныхъ святыхъ греческихъ и латинскихъ отцовъ, чѣмъ къ Фотію и Керулларію, вошедшимъ въ исторію церкви не какъ созидатели,

которые великими нарекутся въ «царствіи небесномъ» (Мтф., V, 19), а какъ разрушители.

Правда, и на западѣ были мыслители, которые высказали объ исхожденіи Св. Духа идеи, противоположныя — общераспространеннымъ. Такъ Іоаннъ Эригена училъ: Отецъ есть субстанція бытія, Сынъ — мудрость, Святой Духъ — жизнь. Такъ какъ жизнь есть слѣдствіе бытія, то св. Духъ исходитъ отъ Отца, а не Отца и Сына, или отъ Отца черезъ Сына. Дунсъ Скотъ полагалъ, что Богъ — существо абсолютное, совершенное въ себѣ, имѣетъ разумъ и волю, въ Немъ происходятъ два внутреннія истеченія — *processiones* — разумное и волевое, вѣдѣніе и любовь. Первое рождаетъ или изводитъ Слово, Сына, второе — Любовь, или Святой Духъ. Для обоихъ единое начало есть Богъ Отецъ. Но оба эти авторы основываютъ свои выводы не на св. писаніи, не на мнѣніи отцовъ церкви, а на личныхъ, чисто умозрительныхъ соображеніяхъ, при чемъ совершенно произвольныхъ, а потому и восточной церкви нѣтъ возможности ссылаться на ихъ авторитетъ, тѣмъ болѣе, что первый изъ нихъ — Эригена — уклонился во многія заблужденія и большая часть его сочиненій подверглась осужденію.

Не трудно согласовать ученіе западной церкви о Непорочномъ зачатіи св. Дѣвы съ тѣмъ почитаніемъ, которое воздаетъ ей церковь восточная, именуя Пренепорочной, Пречистой, честнѣйшей херувимъ и славнѣйшей безъ сравненія серафимъ. Западная церковь въ этомъ догматѣ устанавливаетъ, что съ момента своего естественнаго зачатія Пресвятая Богородица была по особому волеизъявленію Божьему освобождена отъ тяготѣвшаго надъ всѣми людьми первороднаго грѣха, отдавшаго человѣка во власть дьявола. Такъ какъ Сынъ Божій принялъ отъ нея свою человѣческую плоть, то поэтому нельзя допустить, чтобы Матерь Божія хотя бы одно мгновеніе оставалась во власти діавола. Восточная церковь признаетъ и первородный грѣхъ, перешедшій на насъ отъ Адама, и состояніе человѣка во власти сатаны благодаря этому грѣху. Въ обрядѣ крещенія восточная церковь повелѣваетъ вѣрующему трижды отречься сатаны: «Отрекаешься ли сатаны?» — «Отрекаюсь». —

»Отрекся ли сатаны?» »Отрекохся«. Въ псалмѣ же Давида сказано: »въ беззаконіи зачатъ есмь и во грѣсѣхъ роди мя мати моя«. Слѣд., былъ моментъ, когда Пресв. Дѣва была освобождена Богомъ отъ первороднаго оскверненія и стала »Пречистой«. Когда же именно? Западная церковь отвѣчаетъ: »въ моментъ самаго ея зачатья«. Противъ чего же слѣдуетъ возражать?

Также можно согласовать западное ученіе о чистилище съ обычнымъ въ восточной церкви моленіемъ за умершихъ, которое совершается въ сорокоусты, въ полугодовщину и годовщину смерти человѣка. Если судьба человѣка рѣшена безповоротно вслѣдъ за его кончиной, одни предназначены для райскаго блаженства, другіе отвержены, если нѣтъ возможности временными страданіями искупить совершенныя здѣсь преступленія и очиститься, то не бесполезны ли наши за него молитвы, принесеніе безкровной жертвы? Св. Василій Великій, св. Григорій Нисскій признавали существованіе »чистительнаго огня«, въ православной Четіи Миней говорится о различьи »временной темницы« отъ »вѣчной бездны« (кн. 7-ая, стр. 533). Въ православномъ катехизисѣ говорится, что души однихъ умершихъ пребываютъ въ »предвкушеніи вѣчнаго блаженства«, другихъ — въ предвкушеніи вѣчной кары. Но гдѣ онѣ пребываютъ? Если въ аду, то тамъ нѣтъ и не можетъ быть предвкушенія вѣчнаго блаженства; если въ раю, то тамъ невозможно предвкушеніе вѣчнаго мученія. Значить, есть третье мѣсто, въ которомъ эти состоянія испытываются душами умершихъ. А также, можемъ ли мы умалить нашу вѣру въ безконечную благодать Того, Кто »хочетъ спасти всѣхъ« (I Тим., IV)? Западная церковь въ этомъ отношеніи не шла такъ далеко, какъ, напр., св. Григорій Нисскій, который воспринялъ ученіе Оригена объ »апокатостасисѣ«, то есть о конечномъ вхожденіи въ любовь Божію не только людей — грѣшниковъ, но и демоновъ.

Изъ ученія о пребываніи душъ въ чистилищѣ слѣдуетъ ученіе объ индульгенціяхъ, то есть о правѣ церкви освобождать души отъ временнаго наказанія. Это ученіе опирается на слова

самого Христа, сказанныя Петру: »Что свяжешь на землѣ, то будетъ связано на небесахъ; и что разрѣшишь на землѣ, то будетъ разрѣшено на небесахъ« (Мтф. XVI, 19). Право церкви отпускать грѣхи и епитимью за грѣхи признается и на востокѣ, причемъ условіемъ отпущенія является не только чистосердечное покаяніе, но и добрая дѣла. Въ числѣ такихъ добрыхъ дѣлъ стоитъ, конечно, и милостыня, — передача денегъ въ распоряженіе церкви на дѣла милосердія. Если въ этомъ отношеніи допускались злоупотребленія и деньгамъ давалось другое назначеніе, то злоупотребленія всегда были въ дѣлахъ человѣческихъ и ими не опорочивается самый принципъ. Индულгенціи не чужды и восточной церкви: въ Требникѣ православномъ (Москва, 1900 г., стр. 39) сказано: »Аще же произволить сотворить милостыню по мѣрѣ своей, отпусти ему и другое лѣто«. Неужели въ этомъ вопросѣ нельзя достигнуть взаимнаго пониманія и примиренія?

Наибольшее возраженіе со стороны восточныхъ вызываетъ ученіе западныхъ о Церкви, о папскомъ приматѣ, то есть о первенствѣ Римскаго епископа въ вселенской церкви. Но наше сопротивленіе должно прекратиться, если мы въ точности установимъ, какъ относились къ примату отцы первыхъ вѣковъ христіанства, съ исповѣданіемъ вѣры которыхъ мы обязаны считаться подѣ угрозой отпаденія отъ истиннаго православія.

Первенство св. Петра среди апостоловъ установлено самымъ безспорнымъ образомъ самимъ Христомъ. Именно Петру было сказано: »На тебѣ Я создамъ Церковь Мою... И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго« (Мтф., XVI, 18—19). »Паси овцы Мои, паси агнцы Мои« (Іоаннъ, 21), »Утверди братьевъ твоихъ«. Возраженіе, что все это относится къ Петру, а не къ Римскому епископу, ни къ чему не служитъ: если Римскій епископъ не преемникъ власти и значенія апостола Петра, то и всѣ прочіе епископы не преемники апостоловъ. Такими возраженіями можно только разрушить іерархическое устройство церкви. Оно умѣстно со стороны протестантовъ или пресвитеріанъ, но не со стороны православныхъ, которые именуютъ Петра Первоверховнымъ апостоломъ и славятъ его въ своемъ богослуженіи:

»Апостоломъ верховниче, блаженнѣйшій Петре«, »Тебѣ (Петру) Христось первозванному и зѣло возлюбленному, яко предсѣдателю благославному апостоловъ, первому является«,

»Петре, христіановъ начало, паси овцы двора твоего славно, избави стадо твое отъ напастей лютыхъ«, »Христось, Петре, любимое вручаетъ тебѣ стадо«, »Богу немощное показующе естество и купно понеже вселенную Петру вручи... да милостивъ будетъ къ согрѣшающимъ«.

Также подтверждаетъ православное богослуженіе преемство власти св. Петра Римскими епископами. Въ день прославленія памяти папы св. Льва поется:

»Тя именуемъ богодухновенне Главу Православныя Церкви Христове«,

»Петра верховнаго наслѣдникъ былъ еси«,

»Петра честнаго преемникъ и сего начальствомъ обогатился«.

Восемь вѣковъ первенство Римскаго епископа не вызывало никакихъ сомнѣній.

Св. Климентъ Римскій въ I вѣкѣ вступился въ дѣла Коринфской церкви и всѣ ему подчинились, какъ четвертому преемнику св. Петра, хотя живъ былъ въ то время въ Ефесѣ любимый ученикъ Христовъ, св. Іоаннъ Богословъ.

Папѣ св. Діонисію принесена была жалоба на патріарха Александрійскаго Діонисія, который подчинился, принесъ покаяніе и исправилъ свои заблужденія. Папа св. Викторъ предписалъ всей церкви время празднованія Пасхи, и тѣ, кто не подчинился, считались еретиками квартодециманами всю же церковью.

Дидимъ слѣпецъ именовалъ Петра Корифеемъ, главою церкви, занимающимъ первое мѣсто среди апостоловъ.

Св. Епифаній — главою, скалою, на которой основана истинная Церковь, утвержденіемъ истины, владѣющимъ ключами царства небеснаго.

Св. Василій Великій училъ, что Петръ поставленъ надъ всѣми учениками. Онъ подчинялся Римскому епископу и просилъ его указаній въ дѣлѣ управленія своею церковью.

Св. Іоаннъ Златоустъ, столпъ православія, именуетъ Петра

княземъ учениковъ, фундаментомъ церкви, поставленнымъ надъ всею вселенною, пастыремъ, которому ввѣрено все стадо. Низложенный по проискамъ александрійскаго патріарха Феофила, онъ апеллировалъ на рѣшеніе константинопольскаго собора къ папѣ.

Св. Афанасій у папы Юлія искалъ защиты противъ гоненій, которыя противъ него были воздвигнуты аріанствующимъ епископатомъ востока.

Низложенные Ефесскимъ соборомъ константинопольскій патріархъ св. Флавіанъ и епископъ Дорилейскій Евсевій апеллировали къ святѣйшему престолу.

Патріархъ іерусалимскій св. Софроній, отправляя епископа Стефана Дорійскаго въ Римъ, чтобы представить папѣ жалобу на патріарховъ константинопольскаго и александрійскаго, распространявшихъ ересь монофелитства, говорилъ ему: «Иди къ апостольскому престолу, основанію ученія православнаго; изъясни съ точностью святому отцу, занимающему престолъ этотъ, всѣ вопросы, волнующіе церковь, и не престань умолять его, пока его апостольская и божественная мудрость произнесетъ свое побѣдное рѣшеніе». И Стефанъ, прибывъ въ Римъ говорилъ папѣ: «Я обличаю монофелитовъ предъ высочайшимъ престоломъ, господствующимъ надъ всѣми кафедрами, предъ престоломъ высшимъ и божественнымъ, дабы онъ исцѣлилъ болѣзни церкви».

Блаженный Феодоритъ Кирскій писалъ папѣ Льву: «Если Павелъ, глашатель истины, труба Св. Духа, обратился къ великому Петру, чтобы получить отъ него и передать Антиохійскимъ рѣшеніе затрудненій, которыя раздѣляли ихъ по поводу исполненія закона, насколько болѣе подобаетъ намъ малымъ и смиреннымъ прибѣгнуть къ твоему апостольскому престолу, чтобы получить исцѣленіе ранъ церкви...»

Архіепископъ Кипрскій Сергій писалъ папѣ св. Феодору: «Столпъ божественнаго зданія и непоколебимая твердыня, свѣтило истиной вѣры, — вотъ что такое твоя кафедра, Основанная Христомъ, Богомъ нашимъ, о Глава священства! Да — ты Петръ, и на твоёмъ основаніи стоятъ столпы церкви».

Св. Максимъ Исповѣдникъ училъ: »Церкви христіанскія во всемъ мірѣ имѣютъ одну только церковь Римскую основаніемъ своимъ и фундаментомъ«.

Св. Іоаннъ Дамаскинъ также признавалъ первенство Римскаго епископа: св. Петръ — корифей Новаго завѣта, достойный Глава церкви, управляетъ ея рулемъ.

Св. Феодоръ, игумень Студійскаго монастыря, протестуя противъ рѣшеній еретическаго Гіерійскаго собора, писалъ папѣ Льву III: »Своею собственною властью они созвали еретическій соборъ, тогда какъ не имѣли права устроить даже совѣщаніе безъ твоего согласія, какъ установлено обычаями отъ начала . . . Петру, то есть его преемнику, надлежитъ представлять на сужденіе всѣ новыя мнѣнія, вводимыя въ церкви Спаси насъ, высшій пастырь всѣхъ церквей подъ небомъ«. Папѣ Пасхазію I онъ писалъ такъ: »Слушай, глава апостоловъ, пастырь, данный отъ Бога разумнымъ овцамъ, держатель ключей царства небеснаго, камень вѣры, на которомъ создана церковь вселенская. Ибо ты — Петръ, ты, правящій престоломъ Петра«. Получивъ отвѣтъ папы Пасхазія, св. Феодоръ писалъ: »Нынѣ я утверждаю предъ Богомъ и людьми, что еретики отдѣлились отъ тѣла Христова, отъ высшаго престола, гдѣ Христосъ положилъ ключи вѣры, котораго никогда не одолѣютъ врата адовы. Да возрадуется святѣйшій, апостольскій и возлюбленный Пасхазій, онъ — завершилъ дѣло Петра«.

Отцы вселенскихъ соборовъ также признавали авторитетъ св. престола. Отцы Халкидонскаго собора просили папу Льва I утвердить ихъ рѣшенія и писали ему: »Ты былъ для насъ истолкователемъ голоса блаженнѣйшаго Петра. Насъ здѣсь было 530 епископовъ, которыми ты руководилъ, какъ голова руководить членами тѣла«.

О такомъ же утвержденіи своихъ постановленій просили отцы VI вселенскаго собора а папу Агафона, именуя его »Прото-трономъ вселенской церкви« и »скалою вѣры«. Представляя свои рѣшенія императору, они заявляли: »Первый и высшій изъ апостоловъ съ нами присутствовалъ, ибо насъ укрѣплялъ преемникъ его кафедры, изъяснившій въ своихъ посланіяхъ

тайны богословія. Самъ Петръ говорилъ черезъ Агафона».

Въ 519 г. восточные епископы подписали исповѣданіе вѣры: »Не можетъ пройти даромъ слово Господа нашего Іисуса Христа, сказавшаго: »Ты — Петръ и на семъ камнѣ Я создамъ Церковь Мою«. Сказанное подтверждается на дѣлѣ, ибо на апостольскомъ Римскомъ престолѣ всегда сохраняется неповрежденной вселенская вѣра».

Св. Мефодій, первоучитель славянства, посланіе котораго открыто академикомъ Павловымъ въ архивѣ Соловецкаго монастыря, высказалъ такое мнѣніе: »Преимущества древняго Рима неотъемлемы до конца вѣка. Будучи старшимъ во всѣхъ церквахъ, епископъ Рима не обязанъ являться на священные вселенскіе соборы, но безъ его участія, которое выражается посылкою какихъ-либо его подчиненныхъ, вселенскаго собора не бывало, и онъ самъ указывалъ веденіе дѣла на соборѣ« (Толков. 28 канона Халк. собора).

Мнѣніе, будто Римскій епископъ пользуется первенствомъ потому, что кафедра его находилась въ столицѣ имперіи, св. Мефодій отвергаетъ такимъ заявленіемъ: »Какъ возможно во имя царя земного предлагати божественные дары и апостольскія преимущества!« Но такое предложеніе именно и дѣлали патріархи Византіи.

Россійскій патріархъ Никонъ, осужденный соборомъ съ участіемъ восточныхъ патріарховъ, высказывалъ такое мнѣніе: »Папу за доброе отчего не почитать? Много разъ явлено, что священство выше царства: не отъ царей священство пріемлется, а отъ священства на царство помазуются«. Именно за такія мысли и былъ Никонъ низложенъ тѣми греческими іерархами, которые ѣздили въ Москву »за милостыней».

Можно привести еще множество свидѣтельствъ въ пользу первенства кафедры Первоверховнаго апостола во вселенской церкви, но и сказаннаго достаточно для заранѣе непредубѣжденныхъ.

Не меньшее сопротивленіе вызываетъ ученіе о безошибочности папы, когда онъ высказываетъ свое рѣшеніе »эксъ катедра«, каковую безошибочность умышленно или неумышленно смѣши-

вають съ непогрѣшимостью. Непогрѣшимъ только Богъ, всѣ же люди, въ томъ числѣ и папы, и многіе святыя, даже апостоль Петръ, погрѣшали: »Нѣсть человѣкъ, иже живъ будетъ и не согрѣшитъ«. Церковь признаетъ, что одна только Богородица прожила свою земную жизнь, не совершивъ ни одно гогрѣха. Поэтому и именуеть ее »Пренепорочной«, и это находится въ несомнѣнной связи съ ея свободою отъ первороднаго грѣха.

Безошибочности папы въ сужденіи по вопросамъ вѣры противопоставляли безошибочность соборныхъ постановленій (принятыхъ безъ участія папы). Но исторія церкви свидѣтельствуетъ противъ этого мнѣнія. Сколько разъ соборныя постановленія расходились съ истиной! Антиохійскій соборъ 267 г. осудилъ терминъ »единосущный« — омооусіосъ, а Никейскій соборъ 325 г. принялъ его, какъ основу ученія о второмъ Лицѣ Св. Троицы. Между Никейскимъ соборомъ и Константинопольскимъ происходило II помѣстныхъ соборовъ для обсужденія лжеученія Арія, и не одинъ изъ нихъ не вынесъ окончательнаго православнаго рѣшенія спора. Постановленія Ефесскаго собора 449 г. отвергнуты Халкидонскимъ соборомъ 451 г. И если соборное рѣшеніе безошибочно, то почему не признають постановленія восьмого вселенскаго собора 869 г. и флорентинскаго собора 1439 г., принявшихъ ученіе о Филіокве и первенствѣ папы?

Наши русскіе богословы-публицисты выдвинули новую теорію о безошибочности церковнаго народа: что онъ пріемлетъ безъ сопротивленія, то и есть истина. Это есть развитіе мнѣнія старообрядческаго вождя Неронова, временъ Никоновыхъ. Онъ писалъ: »Быть же собору истинному, а не сонмищу іудейскому, и не единымъ бо архіереямъ подобаеть собираться, но и священникамъ, такожде въ мірѣ живущимъ«. Но гдѣ и когда народъ былъ единодушенъ въ признаніи истины? Развѣ одна и та же истина у старообрядца, безпоповца, духовора, скопца, лютеранина, методиста, мормона? Народъ въ день входа Господня въ Іерусалимъ кричалъ: »Осанна! Благословенъ грядый во имя Господне!«, а четыре дня спустя передъ Пилатомъ требовалъ: »Распни Его!«

Славянофилъ Хомяковъ утверждалъ, что въ церкви не должно быть мѣста авторитету. Истина есть результатъ соглашенія всѣхъ, и постановленіе собора только тогда выражаетъ истину, когда принято мірянами. Свое ученіе онъ сводитъ къ тремъ тезисамъ:

1) откровенная истина имѣетъ органомъ своего выраженія общее согласіе вѣрующихъ;

2) рѣшеніе соборовъ принимаетъ общеобязательное значеніе, когда принято и введено повсемѣстно;

3) вѣрующіе имѣютъ право активно сотрудничать съ іерархіей въ дѣлахъ административныхъ, законодательныхъ и учительныхъ; они могутъ участвовать въ синодахъ и соборахъ наравнѣ съ епископами.

Нашъ современникъ Карсавинъ утверждаетъ, что единство церкви состоитъ въ «симфоническомъ единодушіи въ правдѣ», въ остальномъ каждая церковь самостоятельна, автокефальна, и всѣ церкви составляютъ федерацію, имѣющую невидимаго главу — Христа.

Эти странныя мнѣнія пытались защищать на Съѣздѣ православныхъ богослововъ въ Анфинахъ въ 1936 г. наши ученые — о. Сергій Булгаковъ, о. Флоровскій и В. Зѣньковский, но не встрѣтили никакой поддержки и вопросъ снятъ съ очереди.

Гл. XVI Евангелія отъ Матфея разрѣшаетъ вопросъ о безошибочности самымъ безспорнымъ образомъ. Иисусъ спросилъ учениковъ своихъ: «За кого люди почитаютъ Меня, сына челоувѣческаго?» Они сказали: «Одни за Іоанна Крестителя, другіе за Ілью, а иные за Іеремию или за одного изъ пророковъ». Всѣ эти мнѣнія народныя были ошибочны. Тогда Господь пожелалъ узнать мнѣніе собора, коллегіи своихъ апостоловъ: «А вы за кого Меня почитаете?» И не получилъ отвѣта, потому что у апостоловъ дѣйствительно не было единого и безошибочнаго мнѣнія: вспомнимъ вопросы Филиппа (Іо. XIV, 9), сомнѣнія Фомы (Іо. XX, 24—28), колебанія учениковъ при извѣстіи о воскресеніи Господа (Мрк., XV, 11—13). И только одинъ Петръ далъ твердый и истинный отвѣтъ: «Ты — Христосъ, Сынъ Бога Живаго». Тогда Иисусъ сказалъ ему: «Блаженъ ты,

Симонъ, сынъ Іонинъ, потому что не плоть и кровь открыли тебѣ это, но Отецъ мой, сущій на небесахъ. И Я говорю тебѣ: ты — Петръ и на семь камнѣ Я создамъ Церковь Мою и врата ада не одолѣють ее. И дамъ тебѣ ключи царства небеснаго; и что свяжешь на землѣ, то будетъ связано на небесахъ; и что разрѣшишь на землѣ, то будетъ разрѣшено на небесахъ».

Итакъ, истина была высказана однимъ Петромъ и не потому, что онъ самъ, по человѣческому своему разумѣнію, позналъ ее, а потому что она была открыта ему Отцомъ небеснымъ. Такъ и преемники Петра — Римскіе епископы высказываютъ истину не по своему разумѣнію, а потому, что »блаженнѣйшій Петръ говоритъ ихъ устами«, открывая имъ то, что самъ получаетъ отъ Отца небеснаго.

Истины вѣры, провозглашенныя вселенскими соборами, всѣ получили утвержденіе апостольскаго престола, и только потому онѣ и являются истинами безспорными, а не потому, что ихъ пріемлетъ церковный народъ, въ которомъ никогда не было и не можетъ быть единаго для всѣхъ религіознаго пониманія. Часть народа, довѣряющая своимъ пастырямъ, мыслить правильно; тѣ, кто собственнымъ разумомъ начинаетъ разрѣшать проблемы вѣры, въ большинствѣ случаевъ впадаютъ въ заблужденія, и только благодаря этому и появилось столько сектъ и толковъ.

Впрочемъ, въ исторіи церкви нельзя указать случая, когда догматъ вѣры былъ установленъ рѣшеніемъ или одного собора, или декретомъ одного Римскаго епископа, — всегда оба авторитета дѣйствовали сообща. И два новыхъ догмата о Непорочномъ зачатіи Св. Дѣвы и о безошибочности папы не предписаны властью апостольскаго престола, а подверглись длительному предварительному обсужденію церкви, ея ученыхъ богослововъ и іерарховъ. Ученіе о Непорочномъ зачатіи впервые высказано въ VIII вѣкѣ преподобнымъ Бэдою, оспаривалось св. Бернардомъ Клервоскимъ, блистательно доказано Дунсомъ Скотомъ въ его докторской диссертациі предъ Парижскимъ Университетомъ, обсуждалось въ теченіе шести вѣковъ учеными францисканцами и доминиканцами, изъ которыхъ первые были

его защитниками, вторые — противниками. Наконецъ оно было принято соборомъ 500 епископовъ, которые просили папу Пія IX объявить его, какъ новый догматъ. Догматъ о безошибочности принять Ватиканскимъ соборомъ, на которомъ 533 епископа голосовали »Placet« и 2 — »non placet«.

Не будемъ останавливаться на другихъ полу-доктринальных, полу-обрядовыхъ расхожденіяхъ, какъ на вопросъ о причащеніи подъ однимъ или двумя видами, объ употребленіи для Евхаристіи прѣснаго или кваснаго хлѣба, о моментѣ Пресуществленія и т. п., потому что западная церковь не настаиваетъ на принятіи восточными ея обычаями, а предоставляетъ имъ держаться порядка, имъ привычнаго. Обѣ церкви признаютъ множественность обрядовъ: на востокѣ, напр., совершается литургія Василия Великаго, Іоанна Златоуста, Григорія Двоеслова, св. Іакова апостола, у армянъ литургія Феодора Мопсуетскаго, у маронитовъ — Іакова Барадея; на западѣ совершались литургіи римская, галиканская, амброзіанская, мозарабская. Хотя и высказывается мнѣніе, что различіе западнаго и восточнаго обрядовъ является главнымъ препятствіемъ для соединенія церквей, такъ какъ народъ придаетъ обрядамъ исключительно важное значеніе, но согласиться съ этимъ мнѣніемъ трудно: обряды русской, греческой, коптской церкви различны, но это не мѣшаетъ всѣмъ имъ считать себя частями единой восточной православной церкви.

Высказывается также мнѣніе, что различіе западнаго и восточнаго христіанина заключается въ томъ, что восточный проникнуть духомъ особой духовности-мистицизма, устремленіемъ къ горнему, тогда какъ западный христіанинъ занятъ болѣе земными дѣлами, устройствомъ воинствующей церкви. Это мнѣніе справедливо только отчасти: въ католичествѣ, дѣйствительно, много вниманія удѣлено устройству земной церкви, но это не только не недостатокъ ея, но высшая заслуга и достоинство, исполненіе завѣта апостола: »Устрайте изъ себя домъ духовный, священство святое — (I Петра, II, 5). Устройство земной церкви есть устройство того «царства Божьяго» — *basilica τοῦ Θεοῦ*, которое проповѣдовалъ самъ Христосъ. Что касается ми-

стических настроений, то они существуют в обоих церквях, по существу своему очень разнообразны и даже опасны. Мистикъ стремится установить непосредственное общеніе души съ Богомъ до полного погруженія ея въ Божественный свѣтъ. Это достигается длительными духовными упражненіями, воспитаніемъ ума и воли, и является удѣломъ немногихъ избранныхъ людей. У насъ, русскихъ, мистицизмъ получилъ развитіе преимущественно въ уродливыхъ сектахъ духовоборовъ, хлыстовъ и скопцовъ. Мистицизмъ греческихъ исихастовъ Афонской горы, имѣвшихъ видѣнія несотвореннаго Фаворскаго свѣта, едва ли также явленіе положительное: во всякомъ случаѣ, способы приведенія себя въ состояніе мистическаго экстаза заимствованы исихастами скорѣе у индійскихъ браминовъ, чѣмъ у христіанскихъ учителей Ареопажита и Максима Исповѣдника. На западѣ также были лже-мистики: Михаилъ Молинось, мадамъ де ля Моттъ Гійонъ, отецъ Лякомбъ, но рядомъ съ ними были истинные праведники, великіе подвижники, удостоенные несомнѣннаго общенія съ Богомъ, какъ св. Бернардь, Францискъ Ассизскій, Гюго сенъ Викторъ, св. Тереза Испанская, св. Іоаннъ Креста, св. Игнатій Лойола, св. Францискъ Салезій, св. Жанна Шанталь и многіе другіе. Группа ренанскихъ мистиковъ — блаженный Генрихъ Сюзо, Таулеръ, если и дошли до нѣкоторыхъ преувеличеній, то во всякомъ случаѣ ихъ мистицизмъ не былъ средствомъ удовлетворенія похотей плоти.

Восточная церковь не потому уклонилась отъ своей обязанности устроить земное общество христіанъ, что сосредоточила всѣ силы свои на развитіи духовности, а потому, что выполненію этой обязанности ей воспрепятствовала свѣтская власть. Уступая ей, церковь обратилась къ развитію личнаго благочестія вѣрующихъ, при чемъ это благочестье часто принимало чисто внѣшнія формы возженія свѣчей и земныхъ поклоновъ, формальнаго выполненія обрядовъ и забвенія духа ученія Христа. Конечно, высшая цѣль христіанина — въ достиженіи вѣчнаго блаженства въ будущей жизни; она можетъ быть достигнута добрымъ поведеніемъ на землѣ; но наша жизнь протекаетъ въ

обществѣ, и личная добродѣтель не можетъ не находиться въ связи въ христіанизаціей соціальной жизни. На востокѣ же — и въ Византіи, и въ Россіи — церковь была устранена отъ устройства общественной жизни, что стало дѣломъ исключительно государственной власти. Императоры второго Рима хотѣли и въ христіанскомъ государствѣ сохранить древній языческій абсолютизмъ своей власти. Констанцій на Миланскомъ соборѣ заявилъ: »Моя воля должна быть закономъ церкви«. О себѣ онъ говорилъ: *Imperator sum et sacerdos*. Самъ онъ былъ еретикомъ аріаниномъ, и многіе его преемники по политическимъ соображеніямъ покровительствовали ересямъ, особенно тѣмъ, которыя давали идеологическую основу ихъ желанію господствовать надъ церковью. Аріанство, несторіанство, монофизитство заключали въ себѣ такую тенденцію, и потому всѣ встрѣтили поддержку со стороны свѣтской высшей власти. Въ самомъ дѣлѣ, мы вѣруемъ, что Сынъ Божій, Единосущный Отцу, воплотился, то есть соединилъ свою божественную природу съ человѣческой. Въ Немъ произошло сліяніе высшаго духовнаго и божественнаго начала съ началомъ человѣческимъ и земнымъ. При этомъ земное, низшее было подчинено небесному, высшему. Мистическое тѣло Христово, Церковь или христіанское общество должно быть устроено по подобию самого Христа: въ немъ духовное начало должно господствовать надъ матеріальнымъ, Церковь должна стоять выше государства, духовная власть выше чѣмъ свѣтская.

Аріанство въ основѣ отрицало эту связь, такъ какъ учило, что Христосъ не Сынъ Божій, а твореніе, и слѣд, соединеніе неба съ землею въ Немъ не произошло. Несторіане раздѣляли обѣ природы Христа, одна была независима отъ другой, кажда имѣла собственное лицо, то есть соединенія опять не было. По мнѣнію монофизитовъ въ Христѣ была одна только божественная природа, которая вознеслась на небо, покинувъ землю. Выводъ изъ всѣхъ трехъ системъ одинаковый: нѣтъ связи между небомъ и землею, на небѣ — Христосъ, на землѣ — Кесарь, и Церковь — не преемница Богочеловѣка, которому дана всякая власть на небѣ и на землѣ«. (Мтф. XXVIII,

18.) Церковь только человѣческая организація, и какъ таковая, подчинена земному владыкѣ. Это положеніе зависимости восточная церковь приняла и такимъ образомъ отказалась отъ той роли, которую предуказалъ ей Господь Иисусъ Христосъ.

Въ составѣ византійскаго епископата всегда были группы, враждебныя Риму. Только та часть его, которая вѣрно блюла православіе, до готовности претерпѣть гоненія, поддерживала съ кафедрою св. Петра тѣсную и постоянную связь. Къ ней принадлежали великіе святители востока: св. Афанасій, Іоаннъ Златоустъ, Кириллъ Александрійскій, св. Флавіанъ, блаж. Феодоритъ Кирскій, Феодоръ Студитъ, Максимъ Исповѣдникъ. Наоборотъ, группа ересіарховъ, въ числѣ которыхъ было много патріарховъ, видѣла въ Римѣ своего врага, ненавидѣла его, старалась распространить о преемникѣ св. Петра ложные слухи, обвиняла въ честолюбіи и властолюбивыхъ замыслахъ. И въ этомъ ересіархи нашли союзниковъ въ массѣ восточныхъ епископовъ, по существу православныхъ, но исполненныхъ духа національнаго самомнѣнія. Для нихъ духовная зависимость отъ Римскаго епископа казалась національнымъ униженіемъ, они готовы были поступиться въ пользу «своего Кесаря» и свободою и даже чистотою вѣры, лишь бы удовлетворить тщеславное сознаніе, что они — греки — первый по культурѣ народъ міра, который не нуждается въ какомъ-либо духовномъ руководителѣ, а самъ способенъ руководить всею вселенной. Тенденцію отталкиванья отъ Рима наиболѣе ярко проявилъ константинопольскій монахъ Геннадій, возведенный султаномъ Магометомъ II въ санъ патріарха, который послѣ Флорентинскаго собора заявилъ, что ему «пріятнѣе видѣть въ Константинополѣ чалму турка, чѣмъ тіару папы». Этотъ обостренный націонализмъ, убѣжденіе, что греки — нація, неизмѣримо высшая, чѣмъ «варвары» латиняне, былъ одной изъ главныхъ причинъ раздѣленія церквей. Обвиненіе въ догматическихъ заблужденіяхъ было лишь ширмою, за которой скрыли истинную причину раскола. Духъ греческаго народа, духъ индивидуализма, центробѣжныхъ устремленій, характерный въ политической ихъ жизни, былъ другою причиною. Кусочекъ

Балканскаго полуострова, населенный греками, былъ раздѣленъ между десяткомъ государствъ, которыя не могли слиться въ одинъ народъ, хотя обладали однимъ языкомъ, кровью и культурой. Александръ Македонскій объединилъ ихъ, но объединеніе пережило своего творца на короткое время. Тотъ же сепаратизмъ, «самостоятельность» они внесли и въ религіозную область. Наконецъ, существовалъ и древній споръ между греками и латинянами, расой завоевателей, затихшій во времена Римской всемірной монархіи, и возобновившійся, когда Византійскій двуглавый орелъ потерялъ правую свою главу. Намъ, русскимъ, не должно быть дѣла до этой распри. Мы приняли православіе изъ Византіи, но православіе Іоанна Златоуста, Василия Великаго, Григоріевъ, св. Льва папы, а не Фотія, Ахриды и Керуларія, и его мы должны держаться, а также того, что ему не противорѣчитьъ.

Предвидя гибель имперіи, византійскіе базилевсы стали искать помощи на западѣ, и соединеніе церквей хотѣли сдѣлать наградой за военное содѣйствіе. Алексѣй III, свергнувъ съ престола своего брата Исаака Ангела, опасался мщенія его родственника Филиппа Швабскаго, и потому предложилъ папѣ Иннокентію III соединить церкви, рассчитывая, что папа удержитъ Филиппа отъ исполненія его замысловъ. Сынъ Исаака Алексѣй IV обязался предъ вождемъ крестоносцевъ маркизомъ Монферратскимъ соединить церкви, если ему помогутъ вернуть престолъ и изгнать узурпатора. Михаилъ Палеологъ на Ліонскомъ соборѣ 1274 г. торжественной клятвой подтвердилъ соединеніе церквей, призналъ »Филіокве« и папское первенство, желая тѣмъ предотвратить пападеніе на имперію со стороны Карла Анжуйскаго. Іоаннъ Палеологъ въ 1369 г. обѣщалъ соединить церкви, если ему дадутъ помощь противъ турокъ. Мануиль II сдѣлалъ такое же предложеніе папѣ Мартину V, а его преемникъ Іоаннъ VIII — папѣ Евгенію IV. Послѣдній византійскій императоръ Константинъ XII въ 1452 г. торжественно объявилъ соединеніе церквей за помощь противъ султана Магомета II. Такимъ образомъ, соединеніе церквей для Византіи всегда было только средствомъ для полученія полити-

ческихъ выгодъ, а не принципиальнымъ религіознымъ вопросомъ.

Русская церковь получила своихъ первыхъ іерарховъ изъ Византіи и съ ними вмѣстѣ — византійскія церковныя традиціи. Со временъ Петра I она оказалась въ полной зависимости отъ свѣтской власти. Совѣтникъ Петра по церковнымъ вопросамъ Феофанъ Прокоповичъ, самъ проникнутый идеями протестантизма, использовалъ тяготѣніе императора ко всему нѣмецкому и провелъ церковную реформу по принципамъ лютеранскаго Аугсбургскаго сейма: *сuius regio, ejus religio*. Императоръ Россійскій сталъ Главою церкви, принялъ на себя заботу объ устроеніи христіанской жизни народа, а іерархія стала лишь исполнительницей его повелѣній. Въ »Правдѣ воли Монаршей« Феофанъ именуетъ государя «епископомъ епископовъ и Христомъ Господнимъ». При такомъ положеніи іерархія перестала управлять церковью, обратилась въ »Вѣдомство православнаго исповѣданія« и какъ прочіе министерства была подчинена прокурору синода, свѣтскому чиновнику, назначаемому императоромъ. Безсильная или не желавшая бороться противъ этого порядка іерархія перенесла свои усилія на развитіе личнаго благочестія: молитву, соблюденіе постовъ, праздниковъ, ношеніе крестовъ на груди, возженіе лампадъ и свѣчей, безчисленные земные поклоны. Все это хорошо и нужно, но одного этого недостаточно для воплощенія въ жизнь идеаловъ христіанства, что является несомнѣнно основной задачей учащей церкви.

Именно въ области христіанскаго соціального дѣланія и заключается различіе восточной и западной церкви, которая никогда не оставляла своего долга учить народы, и учить тѣхъ, кто ими управляетъ во временной жизни. Всѣмъ извѣстно, какую борьбу вела западная церковь со свѣтской властью и продолжаетъ вести донинѣ за свое право руководить вѣрою, образованіемъ и моралью паствы. »Церковь, писалъ Вл. Соловьевъ, не только совершенный союзъ людей съ Богомъ во Христѣ, но и общественный строй, въ которомъ въ земной жизни осуществляются идеалы Христова ученія. Соціальная

жизнь человечества не может остаться безъ руководства тѣми, кому дано повелѣніе учить народы и право связывать и разрѣшать на землѣ». И справедливо проф. А. В. Краташовъ дѣлаетъ упрекъ православной церкви за ея отказъ отъ этой своей обязанности. Онъ пишетъ:

»Съ точки зрѣнія Евангелія должна быть оцѣниваема наша жизнь, каждый моментъ, каждая точка. Отъ суда церкви въ совѣсти вѣрующаго не можетъ быть свободно ничто въ этомъ мірѣ. Каждое, даже внѣшнее явленіе Церкви оцѣниваетъ съ точки зрѣнія его соотвѣтствія или несоотвѣтствія, пользы или вреда Царству Божьему. И эту оцѣнку, то есть въ сущности руководство въ соціальной жизни, долженъ давать не только отдѣльному христіанину одинокій его духовный отецъ, но и всему вѣрующему народу вся Церковь ея соборнымъ разумомъ и ея соборнымъ голосомъ. У Церкви должны быть принципиальные отвѣты на всѣ рѣшительно вопросы жизни. Въ настоящее время вопросъ соціальный во всемъ мірѣ и у насъ въ нашемъ отечествѣ всталъ въ центрѣ общаго вниманія. И конечно было бы до кощунственности оскорбительно думать, что пошлый матеріализмъ и марксизмъ могутъ оперировать съ этимъ вопросомъ, а Евангеліе и Церковь должны растеряться передъ нимъ, какъ глупцы и невѣжды. Именно только Евангеліе и Церковь могутъ раскрыть народу правильное отношеніе къ матеріальнымъ цѣнностямъ, которыми соблазняетъ коммунизмъ. Римско-католическая Церковь умѣетъ и смѣетъ давать и торжественные — эксъ катедра — и частные отвѣты на всѣ обращаемые къ ней вопросы и опытно доказываетъ, что христіанская философія мудрѣе всѣхъ другихъ системъ мысли. Голосъ Церкви не долженъ прятаться за ширмы небесныхъ цѣлей Евангелія, а громко и властно звучать среди соціальныхъ бурь современности и быть указателемъ для вѣрующихъ мірянъ, живущихъ въ этомъ мірѣ, а не въ Фиваидской пустынѣ» (Церковь, какъ факторъ соціального оздоровленія Россіи. Сборникъ »Къ познанью Россіи«. Парижъ, 1934 г., стр. 118.)

Итакъ, первымъ условіемъ возможности соединенія являет-

ся освобожденіе восточныхъ православныхъ церквей отъ зависимости свѣтской власти и отъ положенія орудья политики правительствъ, преслѣдующихъ свои мірскія, а не евангельскія цѣли. Пока эта зависимость самую восточную церковь признается, какъ нѣчто нормальное и необходимое, соединеніе церквей будетъ имѣть передъ собою трудно преодолимое препятствіе.

Вторымъ условіемъ является укрѣпленіе сознанія того, что соединеніе всѣхъ христіанъ въ единую вселенскую Церковь есть актъ подчиненія волѣ Бога, который желаетъ, чтобы въ единомъ стадѣ Его царствовалъ миръ, а не вражда и бесплодные споры. Надо понять, что упорство въ этой враждѣ есть сопротивленіе Божественной волѣ и тягчайшій грѣхъ, за который дадутъ отвѣтъ всѣ, и пастыри и пасомые. Надо отказаться отъ бессмысленнаго самомнѣнія, отъ признанія насъ, русскихъ, избраннымъ народомъ Божиимъ, призваннымъ сказать въ дѣлахъ вѣры какое то новое слово, проложить новые пути въ царство небесное.

Надо отказаться отъ предвзятыхъ мнѣній, отъ подозрительности, искренне и отъ всего сердца пожелать прекращенія раздоровъ и повѣрить, что другая сторона также искренне и сердечно стремится къ примиренію и забвенію прежнихъ недоразумѣній.

Надо отказаться отъ бессмысленныхъ обвиненій въ подкупности и опорачиванія тѣхъ христіанъ, которые по влеченію своей совѣсти воссоединяются со вселенской церковью, видя въ этомъ долгъ быть послушными волѣ Христа.

Чтобы приготовить пріятіе соглашенія массою вѣрующихъ надо допустить свободное обсужденіе вопросовъ, которые якобы раздѣляютъ церкви и не стѣснятъ ни устной, ни печатной проповѣди объединенія. Въ исканіи истины такъ называемая цензура общественнаго мнѣнія неумѣстны и недопустимы. Богословскимъ и логическимъ аргументамъ одной стороны надо противопоставить такіе же аргументы другой, но никакъ не угрозы и искусственно создаваемыя препоны со стороны тѣхъ, кому по личнымъ и иногда неуважитель-

нымъ мотивамъ объединеніе христіанъ представляется не-желательнымъ.

Общее соглашеніе быть можетъ совершится на будущемъ вселенскомъ соборѣ, созванномъ по правиламъ, освященнымъ практикой перваго тысячелѣтъя христіанства. При этомъ православные іерархи должны отказаться отъ мнѣній, подобныхъ высказанному преосвященнымъ архіепископомъ Мефодіемъ Манчжурскимъ: »Всякую мысль о предполагаемомъ созывѣ собора, какъ вселенскаго, отвергаю, признаю дерзкой и неблагочестивой, дѣломъ праздныхъ умовъ и безчинствующихъ церковныхъ новаторовъ... Пусть останется на вѣки священное семиричное число Вселенскихъ соборовъ, сихъ седми громовъ, проговорившихъ гласы свои, какъ слышалъ святой Тайнозритель« (Церк. Вѣд., 1924 г., № 23—24). Ссылку на св. Іоанна Богослова преосвященный Мефодій дѣлаетъ очень неудачно, потому что Тайнозрителю было сказано: »Скрой, что говорили семь громовъ и не пиши сего« (Апок., X, 4). А то, что проговорили семь соборовъ не подлежитъ сокрытію, но обязательно должно быть извѣстно каждому христіанину. Слѣд., отождествленіе семи громовъ Апокалипсиса съ рѣченіемъ семи соборовъ невозможно и искусственно. Такія мнѣнія о будущемъ вселенскомъ соборѣ могутъ высказывать лишь тѣ, кто заранѣе отвергаетъ всякую мысль о соединеніи церквей, и тогда все они молятся на литургіи »о мирѣ всего міра и соединеніи всѣхъ«.

Сохранятъ ли восточныя національныя церкви, вступивши во вселенское общеніе, свою автокефальность? Надо думать, что не сохранять, потому что автокефальность, самовозглавленіе, несогласуемо съ признаніемъ главою воинствующей церкви преемника святого Петра. Но одно можно утверждать съ несомнѣнностью, что соединеніе церквей будетъ началомъ освобожденія восточныхъ отъ противохристіанской зависимости свѣтской власти и залогомъ ихъ истиной свободы. Могутъ ли церкви французская, баварская, португальская пожаловаться, что ихъ угнетаетъ Римскій епископъ и предписываетъ имъ что либо противное ученью Христа? Во всякомъ случаѣ,

въ единеніи христіане обрѣтутъ новую и огромную силу для борьбы съ безвѣріемъ и моральнымъ развратомъ, то есть для дѣла, которое является высшимъ долгомъ церковной іерархіи.

С. Маракуевъ.

Авторъ этого доклада не имѣетъ спеціальнаго богословскаго образованія, но онъ внимательно изучалъ церковную исторію съ цѣлью понять и осмыслить принципы русскаго православія, въ которомъ рожденъ, воспитанъ и въ которомъ хочетъ пребыть до конца дней. Это изученіе привело его къ убѣжденію, что истинное православіе первыхъ восьми вѣковъ христіанства совершенно согласуемо съ современнымъ ученіемъ западной церкви, точнѣе, оба ученія составляютъ единое цѣлое. Для исповѣдующаго такое древнее православіе нѣтъ сомнѣнія въ первенствѣ Римской церкви среди прочихъ христіанскихъ православныхъ церквей, и въ томъ, что первосвященникъ древняго перваго Рима есть глава и учитель вселенской церкви, единой, недробимой, іерархически устроенной самимъ Иисусомъ Христомъ. Противленіе ей есть противленіе Божественной волѣ, устроившей церковь такъ, а не иначе. Авторъ будетъ удовлетворенъ, если у его читателя явится желаніе подробнѣе ознакомиться съ фактами исторіи, и самому убѣдиться въ правильности приведенныхъ имъ соображеній.